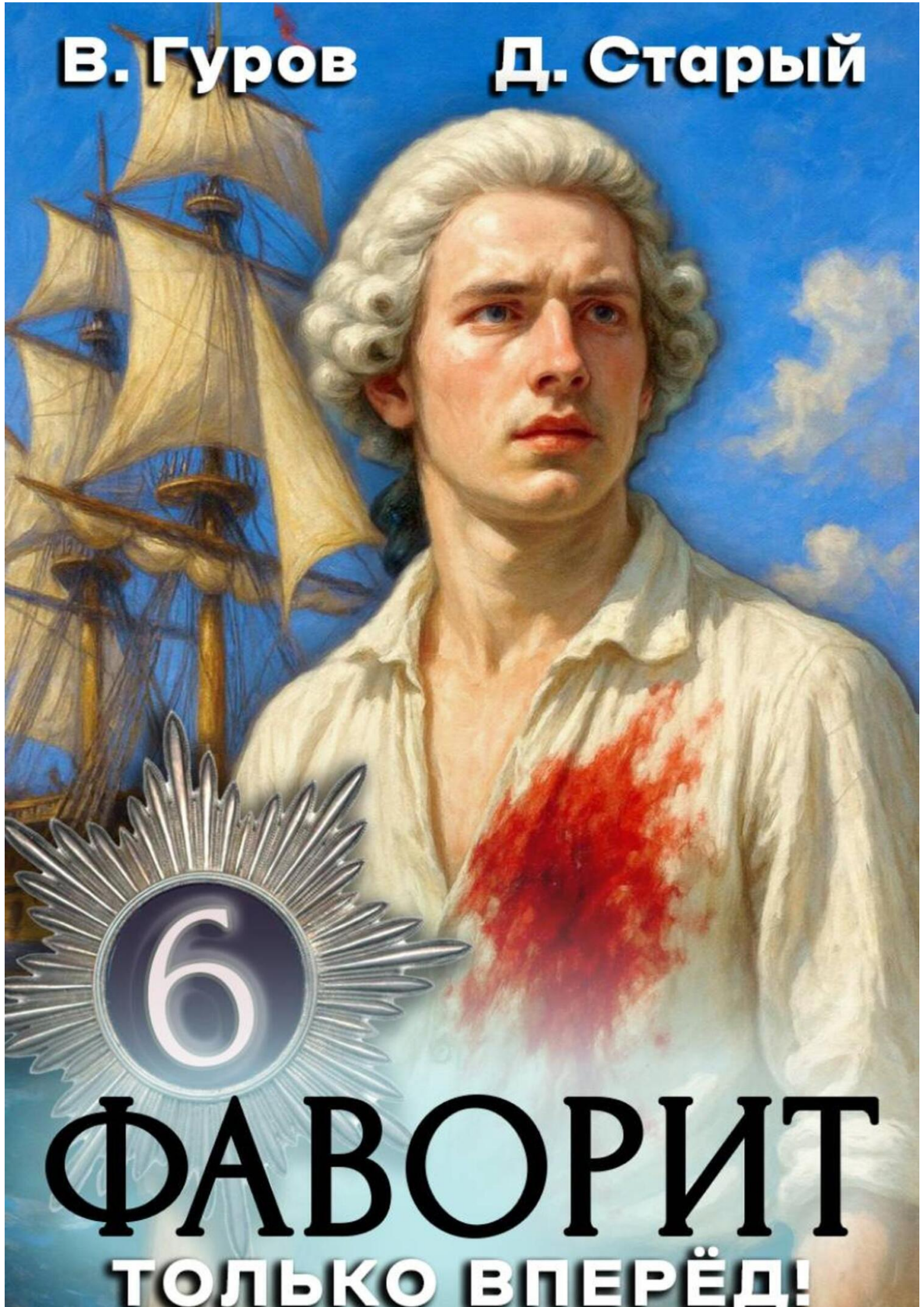

В. Гуров

Д. Старый

ФАВОРИТ

ТОЛЬКО ВПЕРЁД!

Фаворит

Валерий Гуров

Фаворит 6. Только вперёд!

«Автор»

«Автор»

2025

Гуров В.

Фаворит 6. Только вперёд! / В. Гуров — «Автор», «Автор»,
2025 — (Фаворит)

Очнулся — кровь на лице, палуба дрожит, пушки молчат. Французы на горизонте. На фрегате паника. Капитан-француз приказывает сдаться. А я? Я ветеран. Прошел Великую Отечественную. И у меня один принцип: **РУССКИЕ НЕ СДАЮТСЯ**. Теперь я в 1730-х. Успел поднять бунт на корабле, сохранить честь флага и попасть под военный трибунал. Но я не сломаюсь. Бирон, Анна Иоанновна, тайная канцелярия? Пусть приходят. Я здесь не для того, чтобы вписаться в историю. Я здесь, чтобы ее переписать.

© Гуров В., 2025

© Автор, 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Денис Старый, Валерий Гуров

Фаворит 6. Только вперед!

Глава 1

Кто не собирается драться за самую дальнюю крепость, в конце концов сдаст собственную столицу.

Виктор Степанович Бирюков

Севернее Перекопа.

28 июня 1735 года

Визирь Хекимоглу Али-паша смотрел на собравшихся на Военный Совет своих военачальников. Смотрел, и не видел в них огня, желания сражаться. Почти ни у кого. Кто-то устал, другие потеряли стержень, ушли в депрессию. Да и сам визирь не горел пожаром войны.

Визирь и вовсе ранее был тем, кто этой войны не хотел. Мало того, стремление к мирному договору с Персией, да и с Россией, и сейчас, когда Хекимоглу во главе огромного войска стоит под Перекопом, играет не в пользу визиря. Приходят сообщения из Стамбула, что султан недоволен своим визирем. Того и гляди, что скоро сын венецианского врача, Хекимоглу, будет смещен [*в реальной истории был снят 12 июля 1735 года*].

А тут еще неудачи... Русские встали на Перекопе и явно готовы от обороны долго сражаться. Между тем, армия визиря была оснащена неплохо. В чем-чем, а в снабжении визирь толк знает. Он хороший организатор. Но насколько же хватит припасов? Армия большая, еще степняки прибыли в уверенности, что османы должны их кормить. И не попишешь, кормят.

Но все было рассчитано ранее. Предполагалось, что удастся собрать провиант в Крыму, это же обещал и крымский хан Каплан Герай. Кроме того, в Очаков были завезены морем большое количество припасов. Но...

– В Очакове чума! – заявил визирь.

Настроение в шатре командующего еще сильнее поползло вниз. Всем было известно, об этом ранее говорил и сам Хекимоглу, что в планировании компании серьезный расчет был на склады в Очакове. Полгода туда возили все нужное для армии.

Кое-что было и в Гизляре... Но этот город в руках русских. Часть припасов можно было взять в Керчи. Немало чего припасено в Азове. Но оттуда перевозить и сложно и опасно, вдруг гарнизону понадобится. Да и обязан быть нанесен удар по этой крепости. Не логично же русские действуют. Без флота русские словно заперты в Крыму.

Знал бы визирь, что вся операция в Крыму стала неожиданностью для русских как бы не большей, чем для крымского хана. Первый успех повлек второй. И теперь... Крым почти покорен. Нет на полуострове силы, которая могла бы действовать против русских армий. Да и столица разграблена. Мало того... Нашлись предатели, которые собирают остатки политических сил, чтобы пойти под руку русской императрицы.

Но был на Совете единственный оптимист.

– С чего же переживать, великий визирь? Ну чума... Мы же никого из Очакова не принимаем. Не должно перекинуться на армию. И уныние мне не понятно. Русские заперты в Крыму. Флота у них нет, Азов наш и не выпустит Донскую русскую флотилию в море. У них скоро начнется голод, – единственным оптимистом оказался француз граф Клод Александр де Бонневаль.

Француз, предавший свою веру и принявший ислам, был верным соратником Хекимоглу. Именно де Бонневаль заведовал особым артиллерийским корпусом “Хумбараки”. В основном это мощные орудия, между тем, не столь массивные для перевозки, как предыдущие образцы

турецких пушек. Француз практически скопировал те пушки, которые есть на вооружении Франции. Ну или почти что. Настолько скопировал, насколько хватило умений и навыков у османских мастеров.

– Ещё не вся артиллерия выведена на ударные позиции! Я разрушу как минимум одну крепость! – де Бонневаль стремился заразить своим оптимизмом других, но это не получалось.

– Уже второй час на разрыв стволов работает большая часть артиллерии! – зло выкрикнул визирь. – Где проломы? Где замолчавшие русские пушки?

– Этот Миних... он накопал валов возле крепостных стен, и большинство ядер ударяются именно в них! – оправдывался француз. – Додумался же выставить линию обороны с траншеями и валами под прикрытием крепостных орудий.

Визирь встал с подушек, иные также поднялись. Хекимоглу всегда стремился подчёркивать, что он чтит традиции Османов. Поэтому там, где иные турки будут садиться на скамьи или на стулья, сын венецианского врача сидел исключительно на подушках и коврах. Чтобы показать, что он еще больший турок, чем непосредственно представители этого народа. Хотя... Мать же у нынешнего визиря – турчанка.

– Начинайте штурм! – резко сказал визирь. – Великий хан, ты теряешь своё государство! Бейся за него! Твои воины первые пойдут на приступ. Возьми выдвинутую русскую линию обороны хотя бы на одном участке возле главной крепости.

– Визирь, ты убьёшь остатки моих воинов! – оживился Каплан-Герай. – В степи лучших воинов, чем у меня не найти, но по стенам они не приучены лазить.

– Я слово своё сказал! – продолжал на повышенных тонах говорить Хекимоглу Алипаша. – Мы здесь для того, чтобы ты не лишиться своей страны. Докажи, что достоин быть ханом! А нет... Отрекайся в пользу моего султана.

– Не тебе решать, достоин ли я! Когда твой отец был рабом, мои славные предки Москву жгли! – зло прошипел великий хан.

Визирь понял, что сказал лишнее. Но он не мог прощать и того, что хан обозвал его сыном раба.

– Я не изменю своего решения и, если ты достойный, то возглавишь эту атаку. И ты назвал визиря великого падишаха сыном раба? Ты хочешь тем самым сказать, что султан назначил недостойного управлять великой империей? – визирь выкрутил ситуацию в свою пользу.

Каплан-Герай понимал, что сейчас он должен обнажить свою саблю и отрубить голову этому визирю. Хекимоглу же понимал, что он должен отрубить голову хану. Ведь тот, кто называет великого визиря османского султана сыном раба, наносит оскорбление самому падишаху.

– Я докажу, что мои воины умеют всё! И даже умирать с честью! – зло сказал Каплан-Герай и быстро вышел из шатра.

Установилось молчание, все смотрели на визиря, а он тяжело дышал. Мало кто знал, но у Хекимоглы бывали панические приступы. Могло случаться и так, что его тело покрывалось судорогами. Давно такого не было, но в период наивысшего волнения приступ может случиться.

– Идите и возьмите эту крепость! – через зубы, понимая, что уже сводит живот и ноги, сказал Хекимоглы. – Вон! На приступ!

Все военачальники визиря в один миг покинули шатёр. А визиря так скрутило, что он упал, и в глазах начали лопаться капилляры. Да и всё бы ничего, приступ пройдет, а кровавые глаза могут быть приняты за признак доблести. Вот только судороги сегодня были особенно болезненными.

Скоро уже повсеместно, в расположении турецких войск начали бить в огромные барабаны, призывно гремели медные, двухметровые трубы. А в это время, подражая пехоте, спешившись, татарские воины выстраивались в линии, чтобы начать атаку на правую крепость

Перекопа. Глаза воинов были полны решимости. И все понимали, что эта атака скорее всего станет последней.

– Бах-бах-бах! – крепостные пушки ударили по выстраивающимся воинам Каплан-Герая.

Хан настолько сжал зубы, что они начали скрежетать. Он видел, что сейчас посылает на смерть своих верных воинов, тех, которые не разбежались после поражения от русских. Полторы тысячи бойцов и среди них уже случились потери от пушечных выстрелов русских.

– Вперёд! Во славу Аллаха! – прокричал хан и первый рванул в сторону русских земляных укреплений.

* * *

Я успел взойти на крепостную стену до начала штурма. Ещё мог бы и кофе выпить. Действительно, турки значительно усилили артиллерийский обстрел наших позиций. И всё предвещало, что вот-вот начнётся штурм. Но пушки гремели, сконцентрировавшись на одном участке, а пехота все не шла.

– Это же сколько у них ядер? – вопросительно сказал я, наблюдая за работой артиллеристов двух стран.

– Да! – многозначительно ответил мне Кашин.

– Что да? Подпоручик, пошлите вестового, чтобы ко мне прислали подпоручика Смитова, – усмехаясь сказал я. – Может он будет более многословным.

Что касается артиллерии, тут Кашин может только многозначительно соглашаться. А мне было интересно поговорить с человеком, который болеет артиллерией. Ведь пока “боги войны” выясняли, у кого божественный жезл прочнее.

Безнаказанно турки по нам не били точно. Хотя, даже без консультации специалиста, я мог бы сказать, что турецкие артиллеристы работали вполне слаженно. Вот только, когда усилился обстрел левой крепости, Миних приказал выкинуть на стол один из наших козырей. Дело в том, что за основным рвом и валом была устроена ещё одна линия нашей обороны.

На первой линии ещё ни разу не показывались пушки. Там были траншеи, мешки с песком, земляные и деревянные укрытия. И пару раз, когда подходила вражеская пехота, по ней открывали огонь из фузей. Отгоняли пехоту, затем вновь прятались по норам.

И ни разу не била артиллерия, которую туда всё-таки перетащили, спрятали и берегли до нужного момента. Очень опасное решение было у фельдмаршала Миниха. На передовой и пушки! Или даже не столько у него решение родилось, сколько я ему внушил?

А, возможно, и не я, но точно знаю, что в одной доверительной беседе я рассказывал Христофору Антоновичу, как один французский полковник выигрывал все свои сражения, но при этом рисковал, выдвигая артиллерию на передний план.

Конечно, я “забыл” имя этого полковника. А на резонный вопрос, почему полковник не стал генералом, просто промолчал и пожал плечами. Но тактику Наполеона Бонапарта я в некотором смысле Миниху поведал.

Может, эта информация повлияла на действия фельдмаршала, может, что-то иное, но сейчас русские пушки, стоящие на передовой, уже доставали до тех больших артиллерийских орудий, которые огромными ядрами били стены крепости.

– Бах-бах-бах-бах! – стреляли русские орудия.

На отдельном участке мы создали превосходство в артиллерии буквально в два раза. И это уже давало свой результат.

– Что скажете, господин подпоручик? – спросил я у Смитова, как только он подошёл ко мне.

– Я счастлив, что являюсь свидетелем такого замечательного использования нашей артиллерии! – пафосно заметил главный артиллерист моего отряда.

Я понял, что и от этого товарища я никакой конкретики пока что не добьюсь. Глаза Смитова горели огнём. Он даже не смотрел в мою сторону, боясь пропустить хотя бы один выстрел в поистине масштабной контрбатареинной войне.

Пушки били по другим пушкам! Я даже не представлял, что в это время подобное может случиться, но вижу своими глазами. Из тридцати шести осадных орудий, которыми располагал противник, семь уже были выведены из строя. И теперь у неприятеля нашёлся тот человек, который посчитал нужным всё-таки пушки откатить подальше. Так что наша артиллерия выиграла эту дуэль.

Теперь, если штурмы не последуют, то турки сначала будут пробовать выбивать нашу артиллерию издалека, с первой линии обороны. Значит по крепости будет приходиться куда как меньше прилетов.

– Гу-у-у! – громко загудели огромного размера трубы.

Размер этих инструментов можно было определить только предположительно по тому, насколько громким был звук.

– Турка на приступ готовится идти! – кричали повсюду на стене.

Застучали наши барабаны, отбивая всеобщую тревогу. Но и без того офицеры уже отдавали приказы. Я же чувствовал себя неуютно. Дело в том, что командующий запретил нарезать участок обороны для моего отряда. И находится тут.

– Итак, гвардия лишилась почти трёхсот лучших воинов, хватит! Господин секунд-майор, пора дать и другим повоевать, – сказал мне ещё три дня назад командующий.

И теперь мой отряд числился аж во Втором резерве. Это не оперативный резерв – четыре полка, плюс мой отряд, которые стояли дальше всего от сражения.

Единственное, чего мне получилось выбить от командующего, так это то, что я с некоторыми офицерами могу наблюдать за полем боя. Но, если начинается приступ, приказ был один...

– Нарушу приказ! – прошептал сам себе под нос я.

И теперь у меня голова болела не о том, что происходит и как разворачивается сражение, а чем именно мне прикрыться, чтобы обосновать своё нахождение здесь. Ну же... Может кто подскажет?

– Бам! – прилетело немалого размера ядро.

Я посмотрел на место прилёта. Там лежали тела раненых и убитых русских солдат. Зло посмотрел на небо.

– Я не об этом просил! – зло сказал я, и побежал оказывать первую медицинскую помощь.

Будто бы проведение услышало меня, предоставив отговорку, почему я не покидаю стену, несмотря на приказ. Да, теперь я прикроюсь тем, что стал оказывать помощь раненым русским бойцам.

Но я не хотел иметь такой предлог.

Без медицинской сумочки я теперь никуда не ходил, тем более, когда вот такие прилёты были весьма возможны. Так что чистая материя в качестве бинтов, немного спирта, острый нож, пинцет, щипцы и какая-то чудодейственная мазь, – всё это было со мной, периодически отягощая плечо.

Если бы сумочку можно было бы перекинуть через шею, то груз не настолько ощущался бы, но в таком случае есть вероятность испытать не самые лучшие болезненные ощущения. Плечо хоть и заживало после извлечения дуэльной пули, но теревить рану я никак не решался.

Признаться, я несколько испугался, когда чуть не умер от воспаления. А ещё в бреду наговорил такого...

– А что такое интернет, фашисты, дрон? – вот такие вопросы задавал мне Кашин.

Так что я даже не знал, чего именно я боялся больше. Либо того, что во мне, когда я приду в чувства, увидят бесноватого, или того, что предположат или догадаются, в чем я, конечно,

весьма сомневаюсь – я человек из будущего. Больше всего боялся, что в итоге умру от Антонова огня. Умирать совсем хотелось, не хотелось от слова "совсем"!

Отрадно было видеть, что и подпоручик Смитов, и другие мои офицеры, которых я взял на стену в этот раз, все они отвлеклись от созерцания начала грандиозной битвы, и помогали раненым.

– Бах-бах-бах! – следовали отлёты.

Теперь работала только наша артиллерия. Но у меня была иная задача...

– Господин секунд-майор, Александр Лукич... – взывал Кашин. – Не поможете ли вы ему.

Я пробовал делать массаж сердца. Видел глаза совсем ещё молоденького, лет пятнадцати от роду, подпоручика. Эти глаза смотрели на меня сперва умоляюще, а потом... они потухли. Я всем сердцем желал вернуть к жизни молодого офицера.

– Камень голову пробил. Никак не поможете, – с сожалением говорил Кашин.

Со вздохом огорчения я увидел ту рану, на затылке парня. С этим не живут. А все раненые уже получают помощь. Кучно ядро прилетело, ударило поверху, и множество камней разлетелись в стороны. Так что потери на участке уже были серьёзные.

– Кхе! Кхе! – закашлял я.

Пыль и каменная крошка затрудняли дыхание. Я, похоже, этой гадостью надышался изрядно.

Отошёл в сторону, попробовал выкинуть из головы глаза, по сути, ребёнка, пусть и в мундире подпоручика. Это война. Ничего не попишешь.

А потом со злой радостью стал наблюдать за тем, как татары пошли в отважную, но абсолютно бессмысленную атаку. Хотелось, чтобы они все в миг умерли.

– Кашин! Штуцер мне! – выкрикнул я, когда увидел, кто именно первым среди врагов устремился на русские позиции.

Не знаю, какой статус этот человек мог иметь в татарском обществе. Но я уже немного могу определить поистине богатые татарские одежды от простых халатов или доспехов.

– Дозволите разом! – попросил Иван, передавая мне штуцер.

Он понял, что я собираюсь сделать. И, видимо, позавидовал, захотел поучаствовать.

На любой выход на стену мы всегда брали с собой именно штуцеры. Бывало иногда, когда кто-нибудь из турок пробовал подходить чуть ближе, метров на восемьсот-девятьсот, мы тестировали новые пули.

Получилось немного отлить и изготовить конусообразных пуль с расширяющейся юбкой. В Перекопе, чему я неслыханно удивился, была небольшая оружейная мастерская, даже со сверлильным станком. Примитивно всё, у Нартова намного технологичнее, но, тем не менее, от безделья немного поработав руками, мы теперь имеем несколько десятков пуль и такого образца.

– Я первый! – предупредил я Кашина, уже выцеливая знатного татарина.

– Бах! – прогремел мой выстрел.

– Бах! – сразу же за мной выжал спусковой крючок Кашин.

– Есть! Господин секунд-майор, есть! Я подбил! – восклицал подпоручик.

Я с некоторой обидой посмотрел на Кашина. Действительно, скорее всего, именно его пуля и сразила того татарина.

Другие же продолжали набегать. Мало того, они словно остервенели. Создавалось впечатление, что эти люди не столько хотят взять с приступа первую линию нашей обороны на этом участке, сколько просто героически умереть.

– Бах-бах-бах! – стреляли русские орудия.

Это была картечь, тем более ближняя. Там много поражающих элементов. Татар массово уничтожали. И я не понимал своего врага. Понятно, что такими силами, максимум в полторы тысячи, взять с приступа даже первую линию нашей обороны будет невозможно.

– Какие лютые! – воскликнул Кашин.

Что-то похожее сказал и Смитов. Здесь же был Смолин, который позволил себе даже бранные слова. Это была реакция на то, что татары, несмотря на чудовищные потери, продолжили бежать.

– Штуцеры перезаряжай! – потребовал я от Кашина.

Да, здесь на стене я многим не помогу. Но одного-двух врагов выбить из штуцеров мы в состоянии.

Не менее четырёх сотен из полутора тысяч первоначальных татар уже неистово сражались на земляных укреплениях первой линии. Даже залп из фузей их не обратил вспять.

– Готово! – сказал Кашин, протягивая мне штуцер.

– Как? Так быстро? – удивился Смолин, наблюдавший за манипуляциями подпоручика Кашина.

Ему не ответили. Но, видимо, секрет конусообразных пуль с расширяющейся юбкой мне придётся выдать. Конечно, только своим близким. Теперь уже не скрыть технологию.

Очень надеюсь, что в Петербурге заканчивают строить завод, и что ещё в этом году мы заложим другой завод, только лишь оружейный.

– Бах! – выстрелил я.

И попал. Расстояние было значительно меньше, да и стрелял я в ту сторону, где локально собралось не менее десяти татар.

Рубка на первой линии обороны была страшной. Наверное, её можно было бы сравнить с тем, как мы обороняли гуляй-поле. Но подкрепление не высылалось. Больше четырех тысяч русских бойцов и в десять раз меньше татарских воинов. Вряд ли у Миниха даже возникла мысль послать подкрепление.

А, между тем, выстраивались в линию уже турецкие пехотинцы. У них были деревянные щиты на колёсах, лестницы, фашины. Эти штурмовики явно были больше подготовлены.

Ну вот у меня вызвало сомнения, что их сила духа будет такой же, как у тех татар, которых прямо сейчас уже добивали русские солдаты первой линии обороны.

Штурм только начинался...

Глава 2

Воины-победители сперва побеждают и только потом вступают в битву; те же, что терпят поражение, сперва вступают в битву и только затем пытаются победить.

Сунь Цзы

Перекоп

28 июня 1735 года

Или мне кажется, или же наш враг в какой-то степени вялый. Наверное, на контрасте того, как шли в бой татарские воины, сдаётся мне, что турки сильно осторожничают. Хотя это может быть и уловкой.

Все же они двигались несколько неуверенно. Периодически турецкие командиры отдавали приказы остановиться, укрыться щитами. Однако далеко не всегда даже относительно массивные щиты на колёсах помогали избежать смерти от русской картечи. И, чем ближе приближались турки, тем чаще их щиты не выдерживали стремительных и железных шариков, пробивавших доски.

Враг нес потери. Сотня убитых, да уже намного больше. А они, словно под наркотиками, медленно, как бы не вальяжно, шли вперед. Словно в дружной компании один из друзей отбежал за угол... Пива перепил. И остальные товарищи идут вперед, но так... дают своему приятелю возможность догнать.

Вместе с тем штурм продолжался. Судя по всему противнику уже ничего не оставалось делать в сложившейся ситуации, как пытаться проломить нашу оборону. Это только на первый взгляд может показаться, что русская армия загнана в угол. Ведь у нас нет сообщения с Россией. Но у нас есть ресурсная база Крыма. Надо, так пропитание найдем. А боеприпасов, пороха хватает.

Но кто добыча, а кто охотник покажет осада Перекопа. И похоже первые “смотрины” начались прямо сейчас.

Я в очередной раз посмотрел на разворачивающееся сражение. Для меня происходящее, в том числе, еще и обучение. Очень интересно смотреть и за ходом сражения и за последовательностью принятия решений командующим. Плох тот солдат, кто не мечтает стать генералом. И вовсе дрянной тот секунд-майор, получивший столь высокий чин всего в двадцать лет, что не желает стать фельдмаршалом. Я? Желая! Глупо было бы отрицать.

Так что смотрим и анализируем!

Выдвинутая вперед Первая русская оборонительная линия заставила турок оттянуть свои осадные орудия подальше. Иначе наша артиллерия доставала турецкую. И контрбатареинная борьба была нашими пушкарями выиграна.

И теперь крупные калибры врага и вовсе молчали. Даже если неприятель захочет их использовать вновь, то это потребует немало времени. Отвести, развернуть орудия, оборудовать позиции, поднести порох и ядра... Да и пристреляться же нужно, чтобы хоть куда попадать. А тут уже свои наступают, янычары. И даже сложно просто отвести пушки, не говоря уже обо всем остальном.

– Первая рота стройся, вторая рота готовься к построению! – внизу стены, с нашей стороны, слышались приказы командиров.

События внутри крепости отвлекли меня от анализа действий османов.

В этот раз, как я вижу, командующий решил перестраховаться. Формировались в колонны русские пехотинцы. Возможно, это было сделано на случай, если врагу удастся закрепиться на Первой линии обороны. Или даже для контрудара.

– Бах-бах-бах-бах! – загремели крепостные пушки.

Они уже доставали своими ядрами и до скопления штурмовиков противника, не то, что до первой линии. Тут с километр, наверное, расстояние. Учитывая, что били со стен, высотой в метров шесть-семь, то ядра начинали лететь на турецкие головы все более кучно.

– Бах-ба-бах! – неожиданно ударили пушки рядом, которые ранее молчали.

Я запоздало открыл рот и закрыл уши руками. И теперь после этого грохота русских орудий немного зашумело в голове. Возможно, это также и последствия моего ранения. Всё равно я пока не чувствую себя полностью здоровым, полным сил. Да и не приступил к полноценным тренировкам.

Между тем, ядра со свистом рассекали воздух. Некоторые из них ударялись в землю, погружаясь в грунт. Другие ядра могли отскочить от земли, продолжить свой путь, собирая вдвойне возможную кровавую жатву.

Особый урон противнику наносили бомбы. Они далеко не сразу разрывались. Бомбы ударялись о землю или же об одного, порой, двух турок. А потом шипели, крутились и... далеко не все взрывались.

Несовершенное производство оружия. Там или фитили плохо промаслены, или порох подсыревший. А особо смелые могли бы даже подойти к такой бомбе и попробовать потушить фитиль. Правда, подобных смельчаков в рядах турок я что-то не замечаю. Но теоретически можно и так.

– Господин секунд-майор, по вашему приказанию прибыл и привёл с собой гренадёров, а так же штуцерников, – прервал мои размышления один из офицеров батальона.

– Господин поручик, – обратился я к Степану Владимировичу Шагину. – Мы с вами нынче же отправимся к командующему и будем просить соизволения помочь отбить штурм. Я буду просить. А вам следует проявить себя. Готовы?

– Не извольте сомневаться, господин секунд-майор! – лихо выкрикнул Шагин.

Степан Владимирович Шагин стал прапорщиком буквально вчера. Христофор Антонович Миних начал исполнять свои обещания. Тем более, что после потери более двухсот гвардейских солдат и офицеров наше подразделение требовало срочного преобразования.

Повезло ещё с тем, что фельдмаршал Миних числился полковником Измайловского полка. Так что чины до поручика Миних имел полное право даровать. Чем он и воспользовался. Или чем воспользовался я.

Шагин был из тех офицеров, кого я подал в первоочередных списках на возведение в следующий чин. Так что теперь он всеми своими силами старался оправдать возложенное доверие. Но случая пока не предоставлялось.

– Что вы здесь делаете? – не особо приветливо встретил меня командующий, когда я прибыл на его наблюдательно-командный пункт. – Господин Норов, немедленно отправляйтесь в расположение своего батальона.

– Прошу простить меня, господин командующий! Имею предложение, как помочь обороне наших позиций! – несмотря на гневный взгляд фельдмаршала, я всё же не спешил исполнять его приказ.

Нет, если прямо сейчас Миних начнёт настаивать, то я, насколько это только получится, проявлю сдержанность, продемонстрирую строевую подготовку и пойду к лестнице, ведущей к одной из башен крепости. Отправлюсь в наше расположение.

– Бах-бах-бах-бах! – прогремели наши пушки. Те, что были внизу, на Первой линии обороны.

Во врага полетела ближняя картечь. Это означало и то, что сейчас турки получают максимальный урон. Но также и свидетельствовало, что они подошли достаточно близко. И вот-вот должен состояться решительный рывок вражеских штурмовиков. А дальше остаётся лишь только залп первой, второй, вряд ли третьей линии наших стрелков и все – рукопашный бой.

– Подайте сигнал артиллерии, чтобы оттягивалась! – уже не замечая меня, отдавал приказы Миних. – Пушки в крепость!

Вид командующего был суровый и сдержанный. Ни один мускул не дёргался на лице этого, бесспорно одарённого человека. Да из чего бы мне ждать бурных эмоций от фельдмаршала, когда я знаю, как в иной реальности, даже в самых сложных своих жизненных моментах Христофор Антонович показывал пример выдержки.

Я под руку не лез. Но и не уходил, хотя присутствующий здесь же Степан Апраксин так и зыркал на меня недобрый взглядом. Да и другие недовольные моей настойчивостью были. Уверен, что, если Миних ещё хоть полслова скажет в мою сторону и тон фельдмаршала будет неодобрительным, Апраксин на меня накинется. Нет, вряд ли с кулаками. Но вот с упреками и обвинениями, в том числе за несоблюдение субординации, наверняка.

Между тем солдаты, впрягшись в верёвки, прокручивая большие колёса лафетов, стали вытаскивать пушки с первой линии обороны. Опять немалый риск. Успеют ли они закатить пушки в крепость? Если даже успеют доделать, то не получится ли столпотворение у ворот и на мосту через глубокий ров? А эти же ворота должны ещё выпускать на помощь солдат первой линии обороны свежие пехотные полки.

Надеюсь, что фельдмаршал знает, что делает. Хотя считаю его задумку недоработанной.

– Вы ещё здесь? – вновь обратил внимание на меня командующий.

– Так точно, и готов предоставить своих штуцерников и гранатомётчиков для отражения атаки неприятеля! – быстро отчеканил я. – Дозвольте занять место в обороне!

– Вы проявляете неуважение! – вклинился в наш разговор с фельдмаршалом Степан Апраксин.

И чего только Степка на меня взъелся? И просьбу его я некогда выполнил, передал вещицу. И не так чтобы проявляю враждебность к Елизавете Петровне, в кружке любителей которой состоит Стёпа. Может, видит именно в этом во мне конкурента? Влюблён в златовласку? Или завидует? Я же из унтер-лейтенантов до гвардейских секунд-майоров дорос. А это очень быстро, чуть больше, чем за год.

– Господин секунд-майор, извольте объяснить, кто такие гранатомётчики и чем ваши штуцерники помогут бою? – не обращая внимания на Апраксина, чем вызывая явное недовольство последнего, спросил командующий.

Мне хватило полторы минуты, в ходе которых фельдмаршал наблюдал за действиями врага наших артиллеристов, чтобы объяснить, кто такие гранатомётчики и чем могут помочь штуцерники.

– Действуйте! – всё же проявив некоторые эмоции, чуть повышая голос, сказал Миних. – Справа от нас нужно усилить оборону. Турки накидали туда ядер, там немалые потери. Все-непременно вы остаётесь в крепости. Если слушаетесь – прикажу вас арестовать и до конца войны продержу под арестом.

Понял, не дурак. Вот был бы дурак, так и не понял бы, что больше испытывать терпение командующего не следует. Хотя потом я обязательно спрошу у Христофора Антоновича, чем он руководствовался, когда запрещал мне непосредственно участвовать в бою. Беречь меня не надо.

Больше я ничего не спрашивал, как и ни секунды не собирался оставаться на позиции наблюдательного пункта.

Столько времени потрачено на разговоры и разрешения. Ситуация должна была резко смениться. И тогда даже часть моего отряда могла бы не вступить в бой. Но... противник почему-то остановился. И это было очень странно. Они сейчас находились под прямым огнём ближней картечи.

Хотя... русские пушки с первой линии обороны как раз-таки оттягивали. И картечи уже не предвиделось. А крепостные орудия посылали во врага только ядра, которые наносили урон,

но не настолько существенный, как это могло бы быть, если бы применялась картечь, да тут и крепости стрелять картечью было сложнее.

Так что выходило, что турки накапливали силы для решающего штурма. Может быть, и поспешил командующий отдавать приказ затащить имеющиеся пушки на этом участке обороны в крепость.

Вот, когда был на наблюдательном пункте, готов был критиковать командующего за то, что раньше не отвёл артиллерию. А теперь, напротив, считаю, что он поспешил. И в истории часто случается так, что полководцев критикуют за то или иное решение. При этом «знатоки» могут апеллировать к последствиям и упущенным возможностям, даже не предполагая, как выглядела обстановка на момент принятия решения.

– Ну, с Божьей помощью! – провожал я два десятка гранатомётчиков и три десятка штуцерников на передовую.

Я, выполняя приказ командующего, в свалку не лез. И, признаться, даже было немного стыдно, что ли. Хотя по реакции моих бойцов не заметил и толики осуждения. Тем более, что я буду участвовать в этом сражении. Ведь можно новейшими пулями доставать до врага даже со стен крепости.

Так что, я быстро организовал штуцерников, обязательно Кашина. Заняли позиции на крепостной стене и приготовились внести свой вклад в общую победу. Ну победу же?

– Бах-бах-бах! – в какофонии взрывов и выстрелов, еле различимо, донеслись пушечные залпы версты за три-четыре левее.

И вот только в этот момент турки рванули-таки вперёд. Теперь стало понятно, почему они простояли под огнём крепостной артиллерии не менее пятнадцати минут, ничего не предпринимая.

Кто ставит в абсолют русскую расхлябанность – тот мало знаком с проявлением этого явления у турок. По крайней мере, в исторической ретроспективе. Наверняка, на бумаге турецкого командования план штурма выглядел идеальным.

Турки предполагали, что они отвлекут нас от крепости, проведя здесь штурмовые действия, но не в полном объёме. Вон, татар на верную смерть послали! Но заставили русское командование сконцентрировать свои усилия в одном направлении. А теперь, как видно, пошли в бой и на другом участке крепостных сооружений.

Но этот момент наш командующий учитывал. Глупо неприятелю, имея колоссальное преимущество в численности, бить только на каком-то одном узком участке оборонительной линии, протяженность которой более, чем восьмикилометровой линии обороны.

Занёс зрительную трубу в то место, где располагался Второй оперативный резерв, с удовлетворением отметил, что паники в рядах русских воинов нет, а, значит, всё идёт по плану.

– Работаем! – сказал я, обращаясь к двум десяткам штуцерников.

Точнее сказать, стрелять из двух десятков будут только семь человек. А вот остальные на перезарядке. Только лишь у нас с Кашиным на перезарядке будет стоять один боец. Ну такие перестрелки мы будем вести новыми пулями.

– Бах-бах! – почти синхронно с Кашиным мы произвели выстрелы.

Тут же другие снайперы послали свои пули навстречу ускоряющимся туркам.

Расстояние составляло чуть более четырёхсот метров. Для конусообразной пули с улучшенной обтюрацией рабочей является дистанция куда как большая. Да и для простых штуцеров с круглыми пулями четыреста метров – вполне себе убойное расстояние.

Вот только, если конусообразной пулей ещё есть смысл прицеливаться, то круглую нужно было пускать непосредственно «в ту степь». Однако вряд ли будет много промахов. На относительно небольшом участке, едва ли в шестьсот метров, турки сконцентрировали как бы не десять тысяч штурмовиков первой волны. И столько же готовились, когда у первой волны хоть что-то станет получаться.

Стреляли крепостные пушки. Причём, количество работающих орудий резко увеличилось. В других направлениях подтянули пушки, а также были те, которые ранее не использовались. Точно не уверен, по каким причинам. Возможно, пушки считались ненадёжными или с малым ресурсом выстрелов.

Но теперь вслед наступающим туркам летело просто невообразимое количество ядер. Я же видел и другие возможности.

Да, штуцер – вещь громоздкая, сложная в зарядке и стреляет редко, когда один раз в полторы минуты. Это если заряжать по старинке и старыми пулями. Но, если бы здесь, на стенах, находился полк егерей, вооружённых штуцерами, то по такой мишени, которую сейчас представляла толпа стремящихся в бой янычар, было бы сильным поспорье с крепостных стен. Вот только всем солдатам и офицерам, которые стояли рядом с нами и завистливо смотрели, как мы хоть чем-то пытаемся помочь своим братьям по оружию, было завидно. Я видел эти лица, которые зло смотрели в сторону врага и сжимали зубы от бессилия.

– Бах-бах-бах! – почти в упор выстрелили бойцы первой линии обороны.

Этот залп скосил немало турок, сотню, может, и две. Вот только следующие с ятаганами наперевес, используя лестницы и приспособления из досок с набитыми на них брусками, взбирались на русские укрепления. Начиналась жестокая рубка.

Но сейчас мы ещё только стояли на пути к этому. Русские солдаты ещё не отличались исключительным умением штыкового боя. Это потом, во время румянцевских и суворовских войны, русским равных не будет в штыковой атаке.

Так что было видно, как умирают русские солдаты. Умирают и турки, которым сложнее, ещё нужно взобраться на брустверы. И в этом есть некоторые преимущества для русских воинов, которые своими фузеями с примкнутыми штыками кололи врага сверху. Но повсеместно турки уже были наверху креплений, а некоторые и спрыгивали с них, хоть бы и на русские штыки.

Вялая атака противника превратилась в ожесточённый бой. Отступать никто не собирался. Да и когда ввязался в драку, когда уже на брустверах, или в русских траншеях, даже не за султана бьются, и не за религию. За жизни свои.

Ворота крепости распахнулись. Сразу под крепостными стенами ручейками разбежались солдаты, чтобы занять своё место в линиях. Было отрадно смотреть, что этот процесс происходит относительно слаженно и организовано. Недаром всё-таки командующий приказывал ещё ранее, когда и турки не подошли, проделывать этот манёвр.

И теперь каждый солдат знал своё место. Раньше таких выходов было организовано сотню или даже больше раз. И, видимо, не зря.

– Бах-бах! – мы продолжали стрелять.

Теперь, когда противник был уже на расстоянии двухсот метров, прицеливаться было куда как проще. И целились уже не только мы с Кашиным, но и другие мои штуцерники.

Я точно видел, что сразил не менее четырёх турецких командиров. Именно по ним мы чаще всего стреляли, либо же по флагоносцам. Когда роняется флаг подразделения, моральный дух тоже падает.

Застучали барабаны. Казалось, что уже невозможно, но ещё больше усилился огонь артиллерии. Сразу два русских полка отправились на помощь своим соплеменникам.

Там, вдали, все еще громыхали пушки, и уже отправились на усиление резервы. Но было очевидно, что турки не добились успехов. И всё-таки главный удар неприятеля был на этом направлении, у крепости.

Свежие силы русской армии не склонили перевес в нашу сторону. Но установилось равновесие. Турки не могли пройти дальше траншей и ретраншементов, брустверов. Но и мы пока не могли отбросить их.

– Всё! Больше нет! – сообщил мне мой перезаряжающий.

Все пули нового образца были мной использованы.

– По старинке круглыми пулями заряжай! – скомандовал я.

Теперь придётся стрелять намного реже. Но стоять без дела точно не буду.

– Готовься! Первый батальон Самарского полка на выход! – раздавались приказы внутри крепости.

А за ее пределами появлялись все новые и новые русские полки. Турки же не спешили посылать подкрепления. Они проигрывали уже в этом. Теперь перевес на нашей стороне.

– Ба-ба-ба-бах! – слышались множественные разрывы гранат.

Мои гранатаметчики работали.

И тут... Враг дрогнул. Перевес случился. Мы оказались даже не сильнее, не опытнее. Мы вовремя принимали решения. Мы были больше готовы к сражению.

А скоро еще и так усложним жизнь врагу, что бежать они будут к Дунаю, оставляя Крым, своих союзников ни с чем. Впрочем, а Крым-то наш!

Глава 3

Случайностей не существует – все на этом свете либо испытания, либо наказания, либо награда, либо предвестия.

Ф. Вольтер

Петербург

3 июля 1735 года

Двое молодых людей вновь занялись этим... Словно по заранее согласованному на самом верху графику. Один раз соитие должно было произойти до обеда, один раз после. И если молодожены хотели спрятаться, заняться собственными делами, то их неизменно отыскивали и сопровождали к брачному ложе.

Анна Иоанновна, словно завтра собираясь умирать, требовала неукоснительных исполнений супружеских обязанностей от Анны Леопольдовны и Антона. И никакие слезы племянницы русскую императрицу не могли разжалобить.

Государыне нужен был наследник русского престола. Она хотела прекратить эту чехарду с императорами и императрицами. Мужчина должен быть на русском троне. Так считала женщина-самодержца.

Он и она сидели на разных краях большой кровати. Он тяжело дышал и смотрел на неё, а она смотрела в пустоту, лишь судорожно одёргивая ночную рубашку. Будто бы стараясь сделать ее длиннее. Ей было ужасно стыдно и до крайности неловко.

И была лишь одна эмоция, которая объединяла этих двух людей – боль. Нет, не физическая, хотя и без этого не обошлось – процесс зачатия ребёнка без желания и даже с отвращением вряд ли вызывает приятные физиологические ощущения. Больше всего их обоих мучила боль душевная.

Ему, Антону Ульриху Брауншвейскому, было больно осознавать, что он отвергаем. Что именно он – причина страданий любимой женщины. Новоиспечённый муж считал, что всем сердцем полюбил Анну Леопольдовну. Ради этой любви он даже был готов отказаться на какое-то время делить ложе с женой. Только бы ей, Анне, было спокойнее.

Но все вокруг давили на молодоженов. Только и разговоров, что о долге Антона и Анны перед Россией. Их принуждали быть вместе. Нет, точно не ходить, не разговаривать, не находить общие интересы. Спать... Как животные, почти как жеребец на конезаводе Бирона покрывает кобылу.

Да, невозможно заставить двух людей исполнять супружеский долг. Это же вопрос интимный, эмоциональный. Решение которого принимают только он и она. Но, когда за дверью слушают, когда могут сделать внушение, пригрозить, не выпускать из комнаты... Если вообще ничего не происходит, то срочно присылается медикус, порой, и не один.

И ладно, что осматривают его, Антона, делая акцент на интимных местах. Но они осматривают и Анну Леопольдовну. Что и причиняет большую боль Анне Леопольдовне, постоянные ли осмотры разных мужчин-докторов или близость с нелюбимым мужем, она не могла себе ответить. Она лишь хотела, чтобы всё это закончилось как можно скорее.

Да был бы хотя муж другой, а не этот худощавый, прыщавый, лопоухий, нескладный. Анна сама не понимала, почему питает к Антону столь глубокое отвращение. Ведь он не был груб, даже в какой-то мере жалел её, пусть и не решался что-то предпринять.

Просто молодая женщина видела в своём муже квинтэссенцию всех своих негативных эмоций. Кроме того, пусть сама того не осознавая, Анна обвиняла именно Антона во всём унижении, которому её подвергали. Ведь если бы не было Антона Брауншвейгского, не было бы ни унижения, ни боли.

Анна не могла и в сторону служанки взглянуть – казалось, что та насмехается над ней. Не говоря уже о том, чтобы гордо выйти из комнаты, которую молодым выделили для зачатия наследника Российского престола.

– Сударыня, я... – сделал попытку заговорить Антон.

– Молчи! – зло прошипела Анна Леопольдовна, поднимая руку в сторону мужа, но даже не оборачиваясь к нему. – Не смей со мной разговаривать!

– Но я же ни в чём не виноват! – почти со слезами выкрикнул Антон Ульрих. – Думаешь мне хорошо? Нет!

Анна вскочила с кровати, оказалась у канделябра из восьми свеч, резко развернулась к Антону. Она поняла, что в свете свечей её лёгкая ночная рубашка просвечивается, демонстрируя все очертания молодого женского тела. Анна сорвала с кровати одеяло и укуталась.

Да, у них была вынужденная близость. Но полностью Анна не раздевалась.

– Вы не понимаете, насколько мне противны! – процедила сквозь зубы она. – Вы... Вы...

Её рука потянулась к канделябру – и почти обезумевшая женщина чуть не схватила его, чтобы ударить мужа. Но остановилась... У нее скоро будет другой способ прекратить все это, избавить себя от ненавистного мужа.

Антон постарался держаться мужественно. Он тоже поднялся и посмотрел на супругу. Зря... Вид его худощавого обнажённого тела, подросткового и нескладного, ещё сильнее помутил разум Анны. Она смотрела на мужа с ненавистью. Но не отрывала взгляда, чтобы еще больше напитать себя негативом, чтобы решиться...

И вдруг Анна стала милой. Изменилась, даже одеяло откинула на кровать, чтобы муж мог слюной подавиться, рассматривая контуры тела любимой женщины.

– Ладно, как говорят в России: чему быть, того не миновать. Раз нам суждено зачать наследника престола, так тому и быть, – сказала Анна.

Впервые за несколько дней Антон улыбнулся. Он вдруг, в одно мгновение стал абсолютно счастливым человеком. Ему показалось, что ещё можно наладить отношения. Он не учёл резкой перемены в настроении жены. Не понял, что в этом есть опасность.

– Вы можете выйти и сообщить, что на сегодня ваша служба в кровати окончена, – с ядом произнесла Анна.

И это несмотря на то, что она уже приняла решение. Решение, за которое знала – не простит себя до конца дней. Но убедила себя, что, если не сделает того, что намеревается, наложит на себя руки. Ибо иных вариантов больше Анна не видела.

Между тем, натянув лишь портки, Антон Ульрих в приподнятом настроении распахнул двери в комнату, увидел дежурного медикуса, гвардейцев.

– Господа, можете быть спокойны. Свой долг перед престолом мы на сегодня исполнили, – сказал Антон.

Он, поочередно закрыв две половинки двери, с надеждой посмотрел на жену. Ещё вчера или позавчера она могла с криком выгнать его. А теперь – не гонит. Более того, Анна попыталась изобразить улыбку. И Антон потянулся к ней, как утопающий к тростиночке, не понимая, что та лишь даст надежду и вместе утянет на дно.

Скажи ему, чтобы сейчас сделал хоть какую глупость, да хоть бы и выпрыгнул со второго этажа, Антон тотчас распахнул бы окно и сиганул.

Всю жизнь Антон Ульрих слышал, что он «не такой», что он не приспособлен к военному делу. Хотя трудно было представить подростка знатных кровей, кто бы столь усердно занимался теорией военного дела. Мальчика упрекали в телосложении, закармливали, заставляли больше спать. Но, все тщетно. Не получалось полнеть. И даже мушкет удержать Антону было трудно, когда его сверстники уже стреляли.

Маленькие германские княжества были воинственны, сыновей там растили для войны, иное искусство мало ценилось. Художеством могли заниматься только те принцы, что преуспевали и в воинских науках.

А последние пять лет своей жизни Антон, по характеру ответственный и исполнительный, слышал лишь одно, что он обязан стать русским принцем. И давление на мальчика только усилилось.

На не самого крепкого человека навалилась непосильная ответственность. С одной стороны – семья, которая учила его, как поступать, кого из родственников в первую очередь продвигать в России по службе. С другой – императрица и десятки ее приближённых. Они взывали к Антону, внушая важность «долга перед Отечеством». Хотя под Отечеством имелся в виду, конечно, не Брауншвейг.

В России Антон сразу же оказался в центре политических интриг. То люди Остермана подходили и напоминали о «благодарности», то сам герцог Бирон внушал, кому обязан Антон.

Да всё бы ничего... Другие ведь справлялись, можно было найти себе опору в ком-нибудь из русских вельмож. Но императрица Анна Иоанновна заиклилась на наследнике. Она чувствовала недомогания, знала о заговорах, спешила. Волынский ежедневно находил новые «факты». И даже имя Бирона порой всплывало. Но именно для своего фаворита она и спешила. Его поставить регентом при наследнике хотела.

– Ну, куда же вы? Муж мой? Оставайтесь! Или... приходите в спальню через час. Надо же хоть поговорить, а не только это... – сказала Анна.

– Сударыня, могу ли я поинтересоваться, с чего вы сменили гнев на милость? – осторожно спросил Антон.

Он-то по уже выработанной привычке собирался уходить. Да, радостный, счастливый, но все равно уходить.

– В России говорят: стерпится – слюбится. Я хочу ускорить это «слюбится», – артистично солгала она.

– Я буду в вашей опочивальне через час, – не веря своему счастью отвечал Антон.

После осмотра медиками Анна вызвала подругу – Юлиану Норову. В предвкушении осуществления плана княжна даже не сопротивлялась унижительной процедуре.

– Юлиана... Ты же моя единственная отрада. Можешь представить, через что я прохожу? Как же я тебе завидую. У тебя нет этих унижений, и ты делишь ложе с лучшим из мужчин, – рыдая, жаловалась Анна. – Я уже должна быть в тягости, но еще месяц, или больше это терпеть. Я не могу и не хочу.

Она уже была уверена, что беременна. Слишком много «соитий» было с мужем, слишком регулярных, под надзором врачей. Те уверяли императрицу: «Анна Леопольдовна уже должна носить ребёнка». Анна Леопольдовна подслушала один из таких разговоров.

– Ты принесла? – прошептала Анна на ухо подруге.

– Анна, умоляю, может, не стоит? – взмолилась Юлиана.

– Не стоит? А разве ты не видишь выгоды? – зашипела Анна. – Во всем сплошная выгода. И тебе не жалко меня? А о своем будущем ты подумала?

Они не раз говорили о судьбе Анны. И не раз речь заходила и о Норове. Анна Леопольдовна в своих фантазиях нарисовала такой идеал Александра Лукича, что и сама уже не понимала, любит ли его как человека или влюблена в созданный ею же образ.

Но при принятии страшного решения, Анна придумала множество поводов, чтобы убедить себя в правоте.

– Ты же понимаешь, что при мне ты станешь самой уважаемой и богатой? Я приближу вас с мужем к трону еще более, чем тётушка приближает Бирона, – шептала Анна своей подруге.

– Но Антон... Он будто заблудшее дитя. Это великий грех, если мы убьём его, – ответила Юлиана. – Можно же увезти Антона в Сибирь. Я найду, кто нам поможет.

– Нет... Решено, – все же немного задумавшись, но после решительно, сказала Анна Леопольдовна. Давай яд!

Да, они задумали убить Антона. Вернее – Анна задумала, а Юлиана колебалась. Но и ей хотелось власти и почёта. Юлиана старалась убедить себя, что иначе останется ни с чем. Ведь её и Норова поженили лишь ради того, чтобы у Анны была возможность завести любовную связь с гвардейцем. Так что Юлиана без дружбы с Анной и вовсе может стать ненужной никому.

Анна же видела пример тётки. У Анны Иоанновны муж умер через несколько недель после свадьбы, а она стала герцогиней Курляндской, затем императрицей. Почему бы племяннице не повторить путь тетки?

– Вот, – сказала Юлиана и вложила в руку подруги флакончик. – Двадцать капель убьёт любого, но не сразу. Это то, что ты и хотела.

– Хорошо. Все, уходи! – спрятав флакон под матрас, Анна Леопольдовна прогоняла подругу.

Через час Анна встречала мужа в несвойственной ей манере. Она была в красивом платье с глубоким декольте, с озорной мушкой у рта, приветлива и жизнерадостна. Даже Кельнской водой облилась [духи].

– Муж мой, не выпьем ли шампанского? Я заранее велела открыть бутылку. Вот... Сама налила. Оно так пениться, немного разлила на стол, – кокетливо сказала Анна Леопольдовна.

Молодая женщина подала бокал. Ее руки тряслись, но Анна улыбалась. Антон же растерялся, действовал механически. Его рука потянулась к бокалу, он осушил его до дна, не почувствовав никаких посторонних вкусов. Да и всего во второй раз в своей жизни Антон Ульрих пил шампанское.

– Отчего же вы сами не пьёте? – дрожащим голосом спросил он.

Он терялся, не знал, как поступать в таких ситуациях, будучи наедине с любимой женщиной.

– Доктора говорят, что вино не всегда полезно женщинам в тягости. А я ведь, возможно, уже в тягости. Вы, мой милый друг, изрядно старались над этим, – Анна скривилась, не получилось до конца отыграть роль.

Но Антон был так очарован, что ничего не заметил.

Анна Леопольдовна наблюдала за ним, пытаясь уловить хоть какие-то изменения. Но яд должен был действовать медленно, в течение дня или двух. Достаточно было один раз выпить и все... И не вывести ничего.

– Выпей ещё, мой друг, – с улыбкой сказала она, вновь наливая шампанское.

Антону даже показалось, что они могут провести ночь вместе. Вот так, даже не по принуждению, по желанию. А после... У них все будет хорошо, точно. Полюбят еще друг друга.

И тут дверь распахнулась. В комнату ворвалась императрица. Створки дверей резко распахнулись, отпружинили о стены и вернулись, ударяя мощную женщину. Анна Иоанновна даже не обратила внимания на это. Скорее больно было дверям, они накренились, дали трещину.

– Неужто так и есть! Доложили, что голубь и голубка вечер проводят, да без слез и стонаний, сами... Я и не поверила! Вот решила взглянуть, так ли то, – громогласно произнесла Анна Ивановна, едва ворвалась в покои своей племянницы.

Анна Леопольдовна побледнела. Ей показалось – разоблачение близко.

– Шампанское? – императрица, не колеблясь, взяла бокал из рук Антона.

Прищурилась и... Не успела Анна Леопольдовна выкрикнуть, вскочить с кресла, как государыня уже одним махом выпила бокал.

– Ваше величество, не пейте! – в комнату ворвался Ушаков.

Но было поздно. Бокал был пуст.

– Что происходит, Андрей Иванович? – строго спрашивала императрица. – Отчего вы такой... Мертвеца будто бы увидал.

Ушаков стоял ни жив ни мёртв. Не мог ответить своей государыне. Впервые за долгое время он растерялся. Он не успел буквально чуть-чуть. И такая интрига сорвалась. Ведь все... все контролировалось, сам Ушаков был в соседней комнате.

Осталось только чуть подождать, а потом шантажировать Анну Леопольдовну, сделать ее полностью покорной. А что такое – покорная мать малолетнего государя? Это прямой путь к регентству. Ну или вовсе убрать ее и поставить Елизавету. Ушаков еще не решил. Но теперь он... Растерялся. Отравленное шампанское выпила императрица.

– Почему вы не отвечаете государыне? – спросил герцог Бирон.

Но Ушаков даже не понял, что говорит фаворит. Тут бы с русскими словами разобраться, не то что напрягать мозг и вспоминать немецкий.

Анна Леопольдовна сидела и продолжала трястись. Её выпученные глаза наливались влагой. Она хотела разрыдаться, но боялась пошевелиться.

«Что же будет? Что же теперь будет?» – задавала сама себе вопрос Анна Леопольдовна.

То же самое спрашивал и внутренний голос Андрея Ивановича Ушакова.

– Андрей Иванович, нешто ты побледнел? Утомился? Ты ступай, выпипись. Завтра поутру жду от тебя с докладом по Волынскому. Интересно, что ещё напел наш соловей, – сказала Императрица, лукаво посмотрев в сторону своего фаворита.

Эрнст Иоганн Бирон от напора царственного взгляда поёжился и втянул голову в плечи. Недавно Волынский рассказывал, что почти все свои дела согласовывал с герцогом. От чего можно было бы заподозрить и Бирона.

– Могу ли я просить вас покинуть опочивальню моей жены? Простите, но нам есть с чем поговорить с Анной Леопольдовной, – словно под воздействием выпитого хмельного напитка, осмелев, громко сказал Антон Ульрих.

Но его слова проигнорировали все.

– Так чего, Андрей Иванович, мне не надо было пить шампанского? Думал, что не хватит молодым? Так если они нос воротить друг от друга не будут, я целый корабль шампанского из самого Парижа закажу. Пусть пьют, хоть упьются! – сказала императрица и громко рассмеялась.

А потом уже медленно, лично закрывая распахнутую дверь, стала удаляться. Лишь только лукаво усмехаясь. В отличие от сломанной двери, которая никак не хотела плавно закрываться, императрица поверила, что сломанные судьбы Антона и Анны поддаются ремонту.

И что уже скоро можно будет говорить, что русская принцесса и немецкий принц не сидят в заточении в крепости, и уж тем более не спят друг с другом по графику и принуждению. А все у них по любви. И это, на самом деле, был серьёзный, в том числе и политический, момент.

Антон Иванович Ушаков в это же время, когда государыня уходила, судорожно думал, что же теперь делать? Ведь его агенты, конечно же, слушали, о чём говорила Анна Леопольдовна со своей подругой. Есть и те, кто знает части интриги. Когда государыня умрет, то люди Ушакова смогут сложить два плюс два. И насколько тогда эти люди окажутся верными.

Андрей Иванович контролировал и тех медиков, которые следили за самочувствием Анны Леопольдовны. Он обрадовался, когда косвенные признаки, что она беременна, появились. По крайней мере, кровь у будущей матери наследника российского престола должна была пойти два дня назад. И до этого сбоев у Анны не было никогда, а за этим следили.

Значит, по мнению Ушакова, Антон Ульрих выполнил свою миссию. Да, оставался определённый риск. И в том, беременна ли Анна Леопольдовна; и в том, родится ли мальчик; и в том, выносит ли она ребёнка и родит ли его здоровым. Андрей Иванович в последнее время сильно поверил в себя и в свою звезду. Видимо, он несколько ошибся.

На подкашивающихся ногах Ушаков покинул комнату. А после, со слезами на глазах, и Анна Леопольдовна попросила уйти своего мужа.

Глава 4

Бывают случаи в жизни, выпутаться из которых может помочь только глупость.

Ф. Ларошфуко

Петербург

3 июля 1735 года

В доме секунд-майора Норова было громко. Нет, не из-за того, что не дом это, а словно штаб. Но так было до отбытия Александра Лукича на войну. Сейчас, конечно, поспокойнее. Но дом все равно не был уютным. Впрочем, крайне редко в последнее время Юлиана бывала дома. Все во дворце работала.

Не придумали еще такую должность, как была у Юлиана. Ей в плечо плакалась Анна Леопольдовна, а Норовой нужно было успокаивать великую княжну, объяснять, что так нужно, что пока не забеременеет, придется терпеть. Но быть во дворце сейчас Юлиана считала опасным. Да и не могла она наблюдать за тем, как умирает человек, Антон Ульрих, а Норова к этому причастна.

Но когда она пришла домой и узнала...

– Да как ты смеешь? Кто ты есть, чтобы так быть?! – кричала Юлиана Норова, теряясь в русских словах.

Рядом с ней стоял мужчина, который покорно и казалось невозмутимо принимал и оскорбления и даже рукоприкладство своей хозяйки. Жены Командира.

Начальник службы безопасности ресторанов, Степан... пока просто Степан... молчал и даже не ответил, когда Юлиана начала хлестать его по щекам. Хотя своей жёнке он бы уже давно зубы посчитал. Но уж точно не жене Командира.

Есть за что пострадать. Когда придёт время отчитываться перед Александром Лукичом, доклад от Степана должен быть таким, чтобы обещанное Норовым будущее непременно сбылось. Гвардеец уже не ассоциировал себя с армией. Понял, какие перспективы замаячили. Вот и отработывал.

Ведь уже сейчас за свою работу Степан получает сто рублей, а Норов обещал премию в пятьсот. Но это только на тот случай, если Степану удастся оказаться другом Юлиане и защищать ее от разных невзгод. Учитывая, что как минимум один раз телохранитель оступись, теперь он плотно взял под своё крыло Юлиану.

Конечно, Степан не мог смотреть на жену командира, как на женщину. Хотя она ему нравилась. И немало уже девок помял Степан, чтобы только не думать о Юлиане.

– Вам лучше успокоиться и подумать. Я могу все сделать, как вы и хотели. Но только с согласия Александра Лукича, – все же ответил Степан.

– Ты дал мне Кельнскую воду вместо яда... Ты лишил меня подруги... Ты лишил своего хозяина будущего, – продолжала Юлиана отчитывать верного и находчивого слугу своего мужа.

– Я еще раз говорю вам, что готов сделать все, о чем просите. Но только с разрешения секунд-майора Норова. Письмо ему я уже послал.

– Как? Да как ты смеешь. Ты есть... плохой ты есть! – вновь стала кричать Юлиана. – Я есть во дворец.

– По утрам, госпожа, – сказал Степан.

Конечно, не ему указывать когда во дворец ехать. Но щеки горели у мужика так, что он даже несколько и забылся, кто есть такой. И что указывать жене Командира не может.

Александр Лукич что-то похожее предполагал и проконсультировал Степана раньше. То есть, не позволять Юлиане участвовать в интригах. Понятно, что это сложно. Но когда жена

Командира обратилась именно к Степану за помощью в покупке яда, Степан проконсультировался с госпожой Мартой. И это она, Марта Фролова, посоветовала так сделать.

Тем более, что Степан подслушал, что именно задумала Юлиана. И так подставлять Командира ей не позволили. Ну а там... Да пусть Норов хоть бы и выпорет и Степана и Марту.

* * *

Остров Эдзо (Хоккайдо)

4 июля 1735 года

Пустынный берег каменистого острова удалялся все дальше. Ветер благоволил. Пакетбот “Святой Николай”, лихо рассекая волны, держал курс на Японию. Хотя и этот остров можно было бы условно считать Японией. Тут, на острове Эдзо, промышлял японский клан Мацубаи.

– И вам его не жаль? – спрашивал Харитон Прокопьевич Лаптев у капитана Шпанберга.

Мартын Петрович Шпанберг с недовольством на лице посмотрел на своего заместителя. У капитана Шпанберга в принципе редко когда на лице появляется хоть что-то, кроме недовольства. Ну а по отношению к своему заместителю, лейтенанту Лаптеву, и подавно. Но все-таки капитан Шпанберг снизошел до Харитона Прокопьевича, ответил:

– Разве же мы руководствуясь жалостью разговаривать должны? Этот человек был когда-то бунтовщиком, и то, что он до сих пор жив, – недоразумение. Недоработка правосудия. По делу ему. И пусть искупает провинности.

– И вы приняли решение его убить таким изощренным образом? – не полез в карман за словом и Лаптев. – Он шел сколько месяцев сюда? Чтобы остаться одному у неизвестного народа? Может они его съедят?

– Могу принять такое решение. Вот и принимаю. Вы же не можете обсуждать приказы капитана. И не начинайте этого делать. Или об этом нужно напоминать особо? – начиная закипать, говорил Мартын Петрович.

Шпанберг демонстративно отвернулся и стал наблюдать, как работают его матросы, но точно не в сторону удаляющегося острова, или на своего старшего помощника.

Две недели пакетбот “Святой Николай” пробыл у северной части острова Эдзо. Это уже не первое посещение странного народа айну. И были причины думать, что вскоре на севере острова может появиться и русская постоянная фактория. Вначале следовало бы более подробно изучить политическую ситуацию в регионе.

Вот, одной из задач человека, которого оставляли на севере острова, и было узнать все, что только можно. Но всего-то одного человека? Без знаний языка?

И без того уже понятно, что на юге острова есть японцы, у них там фактория. Но насколько остров японский – это вопрос.

На острове Мартын Петрович решил оставить монаха Игнатия, в миру Ивана Петровича Козыревского. Наверное, для освобожденного по личной просьбе Александра Норова, монаха, такой поворот в жизни даже предпочтительнее. Ведь Козыревский ждал исполнения смертного приговора. А раньше был одним из исследователей Русского Востока, всей душой болел этим делом.

Теперь, принявший сан, бывший морской офицер, мог совмещать свои призвания. С одной стороны, он изведывает новые земли. Как делал бы, будучи офицером. С другой стороны, приводит к Христу язычников. Как монах.

– Должен сказать вам, господин капитан, что вы излишне жестокий человек, несмотря на суровые условия нашей службы, – тяжело дыша от негодования, высказывался лейтенант Лаптев.

– Так вы имеете все возможности прямо сейчас присоединиться к своему товарищу! – усмехнулся Шпанберг. – Там условия не такие суровые.

Лаптев же, сжав зубы, промолчал. Он дважды давал себе слово, чуть ли не клялся в том, что будет предельно сдержанным с Мартыном Петровичем Шпанбергом. Для общего дела так нужно. Иначе под вопросом будет экспедиция.

Всем было известно, что Шпанберг – человек крайне сложный, мстительный, жестокий. Первоначально предполагалось, что в тех суровых условиях службы на Камчатке именно такие характеры и нужны. Оказалось, что это не совсем так.

А еще Мартын Петрович интриговал, писал кляузы на Витуса Беринга, тот отвечал ему примерно тем же. И это противостояние мешало работать, в немалой степени замедляло подготовку к новым экспедициям.

И в этом человеке рядом с таким несомненным набором плохих качеств, было и другое. Шпанберг был отличным морским офицером. Его напор и характер позволяли выбивать все нужно для экспедиции из руководства Охотска и от главы Камчатской экспедиции Витуса Беринга.

– Думаете, я не знаю, почему вы, лейтенант Лаптев, представлены ко мне? – сказал Шпанберг. – И как это соотносится с вашими разумениями о чести?

Харитон Прокопьевич не ответил на этот выпад. Уже в который раз они со Шпанбергом цепляются языками и спорят. Но одно понятно – Мартын Петрович опасается Лаптева. Иначе, зная характер Шпанберга, он мог бы приказать даже высечь Харитона.

Тяжело дыша, силясь не вызвать на дуэль капитана, Харитон Прокопьевич смотрел, как удаляется остров Эдзо. А там, на этом острове, остаётся монах Игнат, Козыревский Иван Петрович.

Да, этот монах сам вызвался быть миссионером у народа айнов. Более того, даже за короткое пребывание русского корабля у северной части острова Эдзо уже появились несколько десятков христиан православного вероисповедания. Будет, конечно, на кого опираться у монаха Игната.

– Вы же понимаете, господин капитан, почему айны принимают православие? – решил сменить тему Лаптев.

Сложно постоянно ссориться, находясь на корабле. Тем более на таком небольшом пакетботе, каким являлся «Святой Николай». Поэтому вольно или невольно приходится быть по большей части лояльным и даже поступаться собственной честью.

Это ещё в армии могут принять дуэль. На флоте, во время похода, это невозможно. Тем более, когда капитан на корабле – царь и Бог.

– А вы не находите, господин лейтенант, что иного выхода у России нет, как не поднять айнов на бунт? Только нам нужны более серьёзные силы, чтобы помочь этому народу принять подданство российской короны, – Мартын Петрович тоже решил не лезть в бутылку, не углублять натянутые отношения со своим лейтенантом.

У Шпанберга были мысли о том, что Харитон Лаптев – никто иной, как присланный от адмиралтейства «соглядатай». И такие мысли капитана было чем подпитывать.

Во-первых, и что самое главное, Лаптев привёз такие карты, о которых до его приезда и мечтать не стоило. И на картах тех указаны и Японские острова, и ряд таких территорий, которые, как считалось ранее, ещё даже не разведаны ни русскими мореплавателями, ни англичанами, ни голландцами.

Кто мог эти карты выдать, как не адмиралтейство? Откуда-то эти карты появились. Разве станут давать столь ценный груз какому-то простому лейтенанту? История там не совсем ясная, что произошло в Балтийском море. Весьма вероятно, что и раньше Харитон Прокопьевич занимался тайной ревизией на флоте.

Ведь одного капитана уволили со службы. Причём, обвинили его в сумасшествии. А Лаптев был с тем капитаном в ссоре. Шпанберг всерьёз опасался, что и его могут обвинить в сумасшествии.

Во-вторых, оснащённость экспедиции, из которой вернулся Харитон Прокопьевич, была на высоком уровне. Кто ему выдал такие деньги? Шпанберг не мог даже и подумать о том, что как бы не треть всего нужного Лаптев закупал за собственные средства. За те деньги, которые добыл благодаря гвардейцу Норову под Данцигом.

Карты же произвели фурор в Охотске. Витус Беринг уже знал наверняка, что от Камчатки можно добраться до Америки. Причём, ходили слухи, что это уже было сделано ранее Семёном Дежнёвым. Но знать, быть уверенным – это еще не открыть. Нужно было флаг русский поставить на Американском континенте. Вот тогда и состоится открытие.

Настолько точно были прорисованы острова, берега Америки и ряда островов, названных на карте гавайскими, что это явно работа не одного десятилетия и не одного мореплавателя. Да за такие карты англичане или голландцы мать родную продадут. Впрочем, они бы продали своих матерей и за меньшую плату.

– Держим курс на Японию! – констатировал Шпанберг.

– Всё непременно, господин капитан! – согласился Харитон Лаптев.

Хотя он-то больше предпочёл бы отправиться в Америку. Вот только это направление лично для себя и своей команды взял Витус Беринг. И сейчас уже три пакетбота должны были отправиться из Охотска в сторону Аляски.

* * *

Перекоп

4 июля 1735 года

Военный совет при командующем длился уже второй час. Было видно, что фельдмаршал Миних остался недоволен ни этим сражением, ни предыдущем. Три дня враг совершал каждодневные штурмы на разных участках. Часть оборонительных сооружений Первой русской армии уже разрушены. И еще два, может, три штурма, и все... Проблем будет крайне много.

Поэтому, что называется, накручивал хвосты своим офицерам.

– Восемьсот пятнадцать убитых! Мы стоим в обороне – у нас только потери! – невзирая на то, что часть присутствующих офицеров плохо понимала немецкую речь, Миних говорил именно на ней.

Причём фельдмаршал проявлял эмоции. И, как мне кажется, делал это намеренно. Понимал, что от него привыкли видеть только сухое и выдержанное лицо. Нынче же, на контрасте, высший офицерский состав должен был проникнуться ситуацией.

Не сказать, что нам очень сложно оказалось отбиться уже от семи штурмов. Учитывая, конечно, те силы, что неприятель задействовал. Однако, во многом Миних был прав. По крайней мере, я видел, что можно было бы сделать дополнительно, чтобы перемолоть ещё большее количество янычар, которых удалось выгнать с наших передовых позиций только когда получилось нарастить двукратное преимущество.

И теперь нужно было

– Рогатки – это хорошо! Да, их у нас мало. Нужно больше поставить. Вскопать в землю так, чтобы было невозможно быстро выдернуть, – принимая одно из предложений по улучшению линии обороны, говорил Миних.

– Скрепить рогатки нужно таким образом, чтобы, если одну часть выдернуть из земли, их было невозможно оттащить, не выдёргивая другую, – вставил и я свои три копейки.

Удивительно, но это совещание резко отличалось от тех, которые раньше проводил фельдмаршал. Какой-то разгул демократии. С другой же стороны, уже поступали очень даже дельные предложения. Два Военных Совета прошло с момента первого серьезного штурма. И только на этом звучат предложения.

– Господин командующий, смею предложить выкопать ещё один небольшой ров, залить туда земляное масло и смолу, – ещё минут через пятнадцать споров и дебатов и я сделал новое предложение.

Я поймал на себе завистливые и злобные взгляды. Конечно, уже моё третье предложение рассматривается как возможное. Всё, что я предлагаю, разбирается практически сразу. Не о том разговор, принимали ли вообще, а как реализовать, минуя стадии «а что нам это даст» и «где найти ресурсы».

– Это позволит нам отсечь часть пехоты неприятеля, когда они будут в следующий раз штурмовать... Тут же рогатки... Да, принимается. Вам сие и реализовывать, господин Норов, – сказал фельдмаршал, видимо посчитав необходимым разъяснить остальным.

И было удивительным наблюдать, как взгляды присутствующих офицеров сменились с завистливых на те, которые говорили: «сам напрашивался на работу». Ведь одно дело – предложить, получить похвалу от командующего. А другое дело – заниматься реализацией собственного предложения.

– Нужны заложенные фугасы! Пороха у нас много... – несмотря на то, что моя инициатива способна доставить мне немало хлопот, продолжал я сыпать рацпредложениями.

– Каждый раз бочку с порохом не поставишь. В ином случае отсыреет, – в этот раз от моего предложения отказались.

Но от него не отказался я. Нужно максимально использовать те ресурсы, которыми мы обладаем. Если пороха у нас, действительно, очень много, то его нужно использовать. Но насчёт того, что любая деревянная бочка с порохом под дождём так или иначе намокнет, – это факт.

Я, конечно же, вначале придумаю, а потом предложу вариант. Скорее всего, можно заранее оборудовать места для закладки фугасов, даже дощечками обложить. А потом, когда противник пойдёт в атаку, специально назначенные солдаты должны быстренько доставить туда бочонки.

– Князь Трубецкой, вы провели ревизию? Сколько у нас штуцеров? – явно нехотя обратился к главному интенданту Христофор Антонович Миних.

Он намеренно Трубецкого называл лишь только по титулу. Командующий тем самым показывал, что кроме титула, доставшегося Трубецкому по факту рождения, этот человек не заслуживает никакого иного обращения.

– Менее пяти сотен, – отвечал Трубецкой.

Миних зыркнул на главного интенданта. Все знали – командующий не любит приблизительных цифр. Всегда требует с точностью до единицы называть числа. Оно и правильно. Вряд ли найдётся такой интендант, что не будет округлять в свою пользу. Пусть даже штуцеры.

Правда, я даже представить себе не могу, как можно их продать. Но я и не интендант. А у них наверняка найдутся способы заработать хоть и на нарезном оружии. Вот... Может мне к Трубецкому обратиться после, да выкупить нарезные ружья? Да, это не законно. И мне претит подобным заниматься. Но для большого же дела.

– Господин секунд-майор Норов, приказываю вам взять на себя формирования отдельного полка стрелков из штуцеров. Сие будет временное подразделение, и на вас лежит ответственность подобрать лучших стрелков, которые смогли бы со стен оборонительной линии поражать противника на триста-четыреста шагов, – прозвучал приказ командующего.

И тут были противоречивые взгляды от остальных офицеров. С одной стороны, мне завидовали, так как сейчас я командовал мало того, что всеми гвардейцами и отрядом башкир, так теперь ещё давали и пятьсот стрелков.

Ох, чувствую я, что перессорюсь со всеми офицерами. Ведь этих пятьсот стрелков мне нужно будет отбирать среди имеющихся пехотных полков. И плохие солдаты мне не нужны.

Ну, а какой офицер захочет отдавать своего бойца, если тот тянет лямку как бы и не за целый плутонг? И солдаты, конечно, не будут гореть желанием, пусть даже и временно, но переходить в подчинение к другим офицерам. Но, если этот момент ещё поправим, кто этих солдат вообще будет спрашивать? То есть ещё один нюанс.

Это у меня в отряде налажено котловое питание. Я разбил «солдатские общества» – объединение групп солдат, которые занимались общим бытом. Здесь же мне придётся выдёргивать солдат из этих самых обществ.

Но, как говорится: «танки грязи не боятся».

– Так точно! Все ваши приказания будут выполнены! – мне оставалось только взять под козырёк.

Да и не сказать, что новое назначение от командующего мне не нравилось. Пять сотен, а если с учётом ещё моих стрелковых, так и значительно больше, штуцерников на стенах. Это больше семи сотен выстрелов в полторы минуты. Причём, таких выстрелов, когда поражение врага возможно бить только артиллерией. Если выбивать офицеров, то весьма существенная помощь будет оказываться пехоте.

Да здравствует первый полноценный егерский полк Российской империи!

Вернувшись в расположение, я сразу стал нарезать задачи для своих офицеров. Ну не мне же ходить по пехотным частям и отбирать будущих егерей!

Кроме того, дал задание от имени командующего проверить наличие в Перекопе всех смол и земляного масла. Одновременно отправил людей к маркитантам. Уверен, что если предложить достойную оплату, то земляное масло, скорее всего, я получу не со складов крепости, а от торгашей.

Единственное, кого я не дёргал, была группа Фролова, а также Кашина. Им предстояла своя миссия. И всё уже было готово к тому, чтобы начать уничтожать противника в том числе и подлыми тайными методами.

Кашин доложил, что нашлась в деревне неподалёку от Перекопа семья, где все были заражены оспой. Их дом хотели сжечь, чтобы зараза дальше не расползалась.

Вот только Ганс Шульц уже срезал немалое число оспенных нарывов у умерших и заражённых. И теперь эта субстанция наносилась на монеты и ткань. Буквально сегодня ночью телега со всем этим заражённым добром будет предоставлена врагу.

Кроме как внаглую подсунуть телегу, иных способов не было. Будем заниматься. Фролов так же за пять дней подготовил и согласовал со мной операцию. Будем бить супостата. По всем статьям, бить. Ну и по морде, конечно.

Глава 5

Порядочного человека можно легко узнать по тому, как неуклюже он делает подлости.
Михаил Михайлович Жванецкий

Петербург

4 июля 1735 года.

Целую ночь Анна Леопольдовна провела в рыданиях. Она настолько сильно была огорчена, что начало тянуть внизу живота. Мало того, её под утро тало изрядно тошнить. Что было странно, ведь она, по сути-то, ничего и не ела. Странно, если только не случилось неотвратимое, когда здоровые мужчина и женщина, да еще и под надзором медиков, “делают” ребенка. Впрочем, бывает, что и не бывает, не случается забеременеть.

Молодая жена тут же вызвала медикуса. Счастливый, не скрывавший своей улыбки, доктор отменил на сегодня любые соития Анны Леопольдовны и Антона Ульриха. Ещё раньше придворные медики договорились: если появятся первые устойчивые признаки беременности – необходимо тут же прекратить любые «случки», то есть соития.

От такой новости Анна Леопольдовна тут же забыла обо всех своих недомоганиях. Улетучились переживания по поводу того, что было сделано, что двое людей сейчас могут быть присмерги. И что в этом виновата она.

У Анны словно появились крылья за спиной, и она могла взлететь. Но ушли доктора, и будущая мать наследника престола вновь стала увлажнять и без того мокрую от слёз подушку. Вот теперь, когда страх, ненависть ко всему происходящему хотя бы ненадолго улетучились, она и осознала окончательно, что сделала... Ведь вот-вот должно было стать худо и государыне, и её мужу.

– Что же я наделала? Что же я наделала? Как же дальше жить с этим? – причитала, уткнувшись в подушку, молодая женщина.

В дверь постучали. Хотя в этом не было особого смысла, так как сейчас Анна Леопольдовна находилась в той самой спальне, куда вчера ворвалась императрица. До сих пор, чтобы не беспокоить великую княжну, дверь чинить не стали. Предполагалось, что её быстро заметят, как только Анна отправится на очередное соитие с мужем.

– Как ваше самочувствие? – спросил дежурный медик у Анны Леопольдовны.

– Сносно, благодарю вас, – стараясь быть приветливой, ответила великая княжна.

– Тогда я не против, – сказал медик, обращаясь к кому-то.

На пороге появился Андрей Иванович Ушаков. Он стоял и излучал целый сонм негативных эмоций. Не дожидаясь приглашения от Анны, он быстро и решительным шагом направился к молодой женщине.

В другой момент Ушакова должны были смутить обстоятельства, ведь молодая женщина оставалась в одной ночной рубаше. И, если бы императрица узнала о визите Ушакова к своей племяннице, когда та чуть ли не в negligé, то явно рассердилась бы. Да и во дворе начались бы разные пересуды. Но Андрея Ивановича нагота Анны не волновала. Но не сейчас...

– Что вы натворили? Есть ли противоядие? – тихо, но со злобой, проявлял Ушаков возмущение.

Эти слова должны были прозвучать ещё вчера вечером. Однако тогда и сам Андрей Иванович пребывал в шоке от случившегося. Еще и государыня строго наказала своему вельможе в обязательном порядке отдохнуть. Даже отрядила гвардейцев для сопровождения. Ушаков же не решился сказать ни государыне тогда, ни после, когда пришел в себя.

Ближе к рассвету Ушаков намерился было войти в покои к Анне Леопольдовне, но даже ему, главе Тайкой канцелярии розыскных дел, строго-настрого было запрещено это делать.

Будущая мать будущего наследника Российского престола находилась в недомогании. А это дело государственной важности.

– Вы о чём? Что я натворила? – дрожащими губами спросила Анна.

Ушаков подошёл к лежащей чуть ли не обнажённой великой княжне и зло прошептал ей на ухо:

– Я о том, что вы своей милостью, скорее глупостью, отравили не только своего мужа, но и государыню! Что прикажете делать?

Анна подобралась. Девичье смущение от того, что она в неподобающем виде рядом с мужчиной, помогло ей не растеряться окончательно. Молодая женщина зарылась в одеяло, вспомнила о том, что где-то под подушкой должен быть нож, и даже чуть было не схватила его.

– Так вы всё знали! – прошипела она. – И ничего не сделали?

Все её страхи и переживания трансформировались в одну, но очень сильную эмоцию – ненависть. Она хотела ненавидеть себя за те гнусные поступки, что совершила. Но нашёлся другой объект, на которого можно вылить злость.

Ушаков, наблюдая неожиданную для себя эмоцию со стороны Анны, привстал и даже чуть склонил голову. Он не ожидал, что Анна Леопольдовна так умеет.

– Это вы подсунули яд? Не отвечаете – я знаю, что вы... – сказала Анна.

– Не я! – Андрей Иванович начал приходить в себя. – Но вы вместе со своей подружкой Норовой это сделали.

Ушаков попробовал изобразить свой знаменитый тигриный взгляд, чтобы продавить Анну. Но на него смотрел другой зверь, на данный момент куда крупнее и злее любого тигра.

– В моём чреве уже есть наследник российского престола! Не смейте со мной говорить свысока! – продолжала сквозь зубы, не своим голосом говорить Анна.

– Противоядие! Вы же озаботились им? – несколько смягчив тон, спросил Ушаков.

– Нет, – с явным сожалением ответила Анна.

– Черт! Ну как же! – зло сказал Ушаков и ударил по конструкции с балдахином над кроватью.

Этот интриган прекрасно понял, что теперь сидит в одной лодке с Анной. Поддавшись эмоциям, он совершил ошибку, что пришёл в опочивальню великой княжны. Он с потрохами выдал себя.

И что теперь делать? Если обвинять Анну в отравлении своей тётушки и мужа, то одному Ушакову следствие вести никто не позволит. И теперь, даже если поднимать гвардию и платить гвардейцам хоть сто тысяч, это делу не поможет.

Начнётся следствие. Анна сразу же расскажет про Ушакова. Если бы она не была беременна... можно было бы в первый же день до смерти запытать эту девку. Но явно будет создана комиссия, и пытать Анну никто не станет. Её, если и казнят, то только после того, как она родит.

Да и казнят ли? Ведь заговоры караются жестко только в том случае, если они не удались. А если правителя по какой-то причине не станет, то кто станет выносить приговор о казни в отношении людей царских кровей. Да и по закону уже принималась присяга нерожденному младенцу, который может быть в животе Анны Леопольдовны. Так что все неоднозначно. И таких прецедентов Ушаков еще не знал.

Может скрыть сам факт вероятной беременности Анны Леопольдовны? Так медикусы уже должны были отправиться на доклад к императрице, а потом на весь дворец растрелять о событии, если уже не сделали этого. Практически каждый придворный готов заплатить немалую сумму, чтобы узнать такую тайну одним из первых.

– И всё равно... Я вас запытаю до смерти. Заставлю написать бумагу, где вы признаётесь в преступлениях, а потом выпить тот же яд, что и государыня выпила. Убью наследника внутри

вас? Ставки столь велики, что пойду и на это, – сказал Ушаков, а потом попробовал сменить гнев на милость. – Но мы можем с вами договориться...

Жестокий, беспощадный зверь в глазах Анны неожиданно быстро уступил место надежде. Договориться? Анна Леопольдовна не понимала о чем. Не видела выходов из положения. Но верила, а вдруг, этот выход существует.

На пороге показался один из служащих тайной канцелярии. Ушаков приторно сладко заулыбался, показывая, будто бы разговор с княжной проходит в дружеской и приятной атмосфере.

– Что тебе? – спросил Ушаков. – Выпорю, негодника! Как смеешь ты врывать в покои великой княжны?

– На то воля ваша, – сказал мужчина. – Государыне дурно стало. Животом мается. Как медикусы сообщили, что великая княжна в тягости, так государыня встать попробовала, да её скрутило животом.

– Пошёл прочь! – зло выкрикнул Ушаков.

А потом он вновь посмотрел на Анну. Молодая женщина дрожала. Яд подействовал – так подумали Анна и Ушаков. Она натянула одеяло доверху, оставляя лишь глаза. Видимо, когда великая княжна явила Ушакову лютого зверя, она использовала почти все ресурсы характера и организма. Теперь же казалась забитым испуганным мышонком.

– Что вы предлагаете? – пробормотала Анна.

Ушаков не сразу ответил. Ему понадобилось некоторое время, чтобы тяжело подышав, хоть как-то привести мысли в порядок.

– Вы полностью подчиняетесь мне. Подчиняйте мне также Норова. Каким образом это произойдёт – на то ваши женские хитрости. Я pošлю письмо в Крым Миниху. Он не откажет, и Норов будет здесь...

– Как вы предполагаете его использовать? – спросила молодая женщина.

Почему-то в этот момент Анна вдруг забеспокоилась о своём возлюбленном. Вопрос прозвучал, но и сама женщина поняла, несмотря на дурман в голове, зачем Норов нужен Ушакову. Но прежде, чем она окончательно сформулировала мысль, сам Андрей Иванович озвучил очевидное:

– Бирона нужно убирать. Без гвардии сделать это будет сложно. У Норова есть превеликая значимость в гвардейских частях. Нужно ли далее объяснять? Густав Бирон в гвардии, Миних в гвардии. И без Норова тут не сладить.

– Я не буду вашей игрушкой! Не позволю играть с Александром Лукичом! – неуверенно выдавила из себя Анна.

Ушаков только ухмыльнулся. Да, сейчас умрёт Иоанновна, и тогда её племянница запоёт совершенно иначе. Без поддержки, которую может обеспечить Ушаков, она долго не протянет. Так он думал. Но рассчитывал всё-таки на то, что Анна слаба характером и непременно подчинится какой-либо угрозе.

– Да пустите же меня! – неожиданно для собеседников послышались крики за дверью.

– Юлиана! – с надеждой в голосе сказала Анна.

– А вот и преступница... Если вскрыется история с ядом... – ухмыльнулся Ушаков, понимая, что может еще угрожать и Юлиане и через нее еще больше влиять на Анну.

– Если вскрыется история с ядом, вы не получите Норова! Вы ничего не получите. Вместе на плаху пойдем, – чуть бодрее сказала Анна.

Присутствие рядом подруги, пусть ненадолго, но придало ей уверенности.

– Они ненавидят друг друга Юлиана и Александр. А я предложу Норову вас... А его вам. И будьте счастливы! – сказал Ушаков.

Он решил не добавлять к сказанному то, что собирается править Россией. Через Елизавету Петровну ли, именем Анны ли, но перспективы открывались такие, что к власти можно подойти разными дорогами.

– Пустите! Да как вы смеете притрагиваться ко мне, нахал! – слышались женские крики уже совсем рядом со слегка приоткрытой дверью. – Мой муж вызовет вас на дуэль.

И отчего-то Юлиана даже не подумала, что говорит на немецком, а гвардеец слышит от нее только тарабарщину.

– Ведите себя благообразно! – сказал Ушаков, направляясь к выходу.

Через десяток секунд госпожа Юлиана Норова ворвалась в покои своей подруги. Женщина открыла рот, но не стала ничего говорить в присутствии Ушакова.

– Сударь, прошу вас... нет, молю вас, дайте нам поговорить минуту наедине! – еле сдерживаясь, чтобы не закричать важнейшую информацию, сказала Юлиана.

– Господин Ушаков, прошу вас! – подала голос и Анна. – Я согласна с вашими условиями.

Ушаков только резко кивнул головой и тут же зашагал к покоям императрицы. Он должен быть в последние минуты государыни рядом с ней.

– В бутылочке не было яда... – прошептала Юлиана и отстранилась от подруги.

Норова, в девичестве Менгден, ожидала бурных негативных эмоций со стороны подруги. Юлиана была готова к тому, что рассорится с Анной настолько, что её отлучат от двора, пошлют в поместье. Что ее отхлестают по щекам, может и выпорят.

Успокаивая себя, Юлиана даже вспомнила письмо, где её батюшка описывал всё то хорошее, что увидел в поместье четы Норовых. Что ж, будет помещицей. И то неплохо: не тюрьма и не плаха. Выпоротой только не хотелось быть. Но что поделать...

– Да как же я рада! – с этими криками Анна, чуть запутавшись в одеяле, выпорхнула из кровати.

Она обняла свою подругу, целовала её так искренне и страстно, как никогда ранее. Даже не так, когда они, две девочки-подростки, учились целоваться и обниматься, играя в замужних женщин.

Юлиана не могла даже руки поднять, чтобы также приобнять свою подругу. Менгден-Норова так испереживалась, столько себе надумала. Ещё ночью стояла возле входа в Летний дворец, но все двери были закрыты, а дежуривший гвардеец даже слушать не хотел. Да и у самой госпожи Норовой хватило ума не кричать под окнами, что в том флакончике не было яда. И только дождавшись, пока откроется дворец, Юлиана вбежала внутрь – один из постов гвардии даже не успел среагировать на пролетающую мимо фурию.

– Теперь всё будет иначе. Я так виновата перед тобой... – причитала Анна. – Я так виновата перед Антоном. Он же не заслужил смерти. Он не виноват, что всё это с нами происходит. А теперь будет иначе. Я не праздна: теперь я могу не делить ложе со своим мужем. Но стану для него другом... А Ушакова мы ещё проучим... Никому больше не говори ничего!

– Да кому я могу сказать о таком? – удивилась Юлиана.

Анна отстранилась от подруги и с лукавой ухмылкой, но всё ещё со слезами на лице, стала её осматривать.

– А ты хороша! Я бы обменялась с тобой кавалерами. Забирай Антона, а мне отдашь Александра. Для того же ты и выходила за него замуж, – сказала Анна и засмеялась так, что Юлиана ужаснулась.

Столько эмоций, столько тревог было в этом смехе. Это не здоровая радость, это уже на грани сумасшествия.

– Я не отдам его даже тебе! – прошептала Юлиана.

Но Анна продолжала смеяться. Она не слышала того вызова, который только что бросила ей подруга. А и услышала бы, то не обратила бы внимания. Сейчас даже Александр Лукич

Норов отошёл на второй план в её голове и сердце. Такой груз спал. А еще она беременна, не нужно, словно собаки какие, спать с мужем.

* * *

Перекоп

5 июля 1735 года

– Бах-бах! – прогремели выстрелы.

Пули ударились рядом с грузом, разбивая деревянные доски повозки. Щепка отлетела в сторону и рассекла бровь подпоручику Кашину. Глаз заслезился, кровь заструилась. Но не этого испугался офицер. Он боялся заразиться.

Иван Кашин спрятался за телегу. Он направил сразу два своих пистолета в сторону турецкого разъезда, на который они нарвались. Хотели нарваться, вот и получилось. Причем далеко не сразу.

– Бах-бах! – разрядил Кашин оба пистолета.

Тут же грянули выстрелы и других бойцов. У каждого было по два пистолета, а ещё пятеро были с мартирками.

– Гранатами бей! – прокричал Кашин.

– Пух! Пух! – послышались вылеты небольших гранат.

А следом раздались и взрывы. Этими гранатами массово поразить противника сложно. Но турки концентрировались для конной атаки, и гранаты ударили прямо в скопление людей и лошадей. Часть коней испугалась, другие получили осколки или ожоги и понесли всадников по разным сторонам. Были и те лошади, которые уже заваливались, издыхая.

– Отход! – кричал Кашин. – Первый плутонг – прикрывать!

В это время часть гвардейцев спешно перезаряжала свои пистолеты. Не все успели, но, по крайней мере, по одному стволу зарядили. Если турки устремятся в погоню, будет чем их встретить.

– Бах-бах-бах! – залпом ударил Первый плутонг по вырвавшимся вперед туркам.

Вдали стреляли пять штуцеров. Они заряжались новыми пулями, отчего и скорострельность, и точность стрельбы превосходили все разумные пределы.

Группа штуцерников располагалась в трехстах метрах, и они смогли бы продолжать стрельбу даже, когда началась бы погоня. Тем более, что имели позиции на взгорках, куда конные турки не доберутся.

Кашин посмотрел вслед своим бойцам, лихо скачущим прочь, но своего коня придержал. Он счёл необходимым не возглавлять бегство, а замыкать запланированный отход.

– Бах! – подпоручик разрядил единственный заряженный пистолет.

Попал. Нет, не во всадника – попасть в него сложно. Он стрелял в лошадь. Турецкий офицер, вырвавшись вперед, картинно полетел с лошади, которая споткнулась и кубарем отправилась прямо под копыта своим же соратникам.

А вот и последний боец! Всё. Теперь оставалось только ускориться, и шансы на отход были более чем велики.

Турки должны были заподозрить неладное. Например, если обратят внимание на лошадей, на которых скакали русские. Это были лучшие кони, какие только можно было найти в русской армии. Из личной конюшни крымского хана. И догнать всадников на таких скакунах крайне сложно.

– Бах-бах-бах! – практически залпом разрядили свои штуцеры стрелки.

Эти выстрелы окончательно охладили пыл турецких воинов.

Да у них сейчас иные эмоции должны возобладать. Кто-то обязательно заглянет в ту телегу, которую русские сперва защищали, а потом вынуждены были оставить. Так и произошло. И последние полверсты русским диверсантам уже не надо было загонять своих лошадей. Турецкий разъезд отстал.

Операция готовилась более пяти дней. Причём в полной секретности. Даже командующий русской армии не знал о том, что задумали Норов и его бойцы.

Были догадки, что турки и сами придумали нечто похожее. Русские взяли то ли марки-тантов, то ли ещё кого-то, но рвущихся в лагерь людей, которые оказались специально заражены чумой. Потом они признались: их семьи взяли в оборот, и бедолагам ничего не оставалось, как идти на смерть. Ведь и так заражены были, из Очаков прибыли. Они были сожжены русскими военными, конечно, после того, как расстреляны.

Но туркам в «подарок» шла не только чума, но ещё и оспа. Оспенные корки были и на серебряных монетах, и в одежде, оставленных в телеге. Бедного заражённого человека держали до последнего в изоляции, чтобы оспины оставались свежими. Донор умер.

Даже если турки не будут массово умирать или среди них окажется много переболевших оспой, определённую панику в войске болезнь обязательно создаст. Но и были надежды, что сработает закладка с чумой.

Скорее всего, турки поймут, что это русские подставили их. Ведь несколько нелогично выглядело, что русский разъезд под самое утро пробовал прорваться через один из флангов турецких войск.

Впрочем, и подобное находило объяснение. Русское командование осталось без связи с Россией: нельзя послать реляции, письма домой, нельзя вызвать подкрепления. Так что был выбран самый оптимальный путь, где можно было бы проскочить мимо турецкого войска. Вот только попытка «пробиться из окружения» была сделана ровно в тот момент, когда должен был проходить турецкий разъезд.

Война – грязное дело. Если нужно пойти даже на подлость, но при этом сохранить жизнь своих бойцов и саму возможность одержать победу... каждый принимает решение за себя.

Глава 6

Я исполнил свой долг и открыл, что Жизнь – Радость.

Пауло Коэльо

Петербург

5 июля 1735 года

Рассказчица эмоционально вела повествование, звучала очередная сказка, в этот раз из марийского фольклора. Но главный слушатель никак не могла сконцентрироваться и пропускала целые куски рассказа. И не только Анну Иоанновну отвлекал медикус, который заканчивал пускать кровь государыне. Нет, это вполне уже будничная процедура.

– Ты что на меня так глядишь? Покойницу увидел? – недовольно говорила императрица. – Андрей Иванович, меня беспокоит твой взгляд. Ты нешта сказать хочешь? Так скажи!

Андрей Иванович Ушаков спешно «спрятал в пол» глаза. Действительно, он рассматривал государыню, старался не отходить от неё ни на шаг, так и не замечая признаков того, что скоро Российская империя останется без императрицы.

– Прошу простить меня, ваше величество, – сказал Ушаков, кланяясь.

– Пошла прочь! После с начала расскажешь! – отмахнулась государыня, прогоняя рассказчицу.

Герцог Бирон подхватился, стал выталкивать не сразу сообразившую, что происходит, бабу. Она ждала рубль, а не дали и полтины. Так что Ушаков, обвиненный в недостатке, был награжден еще и взглядом пожилой бабы, мысленно проклинающей вельможу. Знала бы она, на кого так зыркает!

Увидел бы Ушаков такое пренебрежение в своей персоне! Но, нет. Государыня больше всего интересовала главу Тайной канцелярии розыскных дел. И опять он уставился на Анну Иоанновну.

– Нет, ну снова ты! Поведай лучше, что там Волынский? Али ты позабыл, Андрей Иванович, что я наказывала тебе доложить о следствии? – Анна Иоанновна почему-то раздражалась в присутствии Ушакова.

Он прибежал, нашел императрицу во второй ее спальне. Ушаков был нервозный. Смотрел постоянно, словно выискивал что-то в государыне. И пусть императрицу меньше, чем других женщин заботила собственная внешность, но и она стала посматривать на себя, а вдруг, платье где примялось или прыщ очередной выскочил. Но всё как обычно. И платье разглаженное, и все прыщи на месте... Всё так же плохо, как и всегда.

– Иди, медикус, будет тебе! Прознай, как там Аннушка, скоро приду к ней! – сказала государыня, подгоняя доктора, заканчивающего перевязку надреза.

Императрице утром действительно было нехорошо. И она даже пошатнулась, чуть не упала. Но государыня плохо спала этой ночью – живот болел. А под утро две назойливые мухи мешали уснуть. Потом же, когда слуги этих мух отловили и казнили, государыне уже было не до сна. Почувствовала ломоту во всем теле и крутило ноги, словно на погоду. Вот и кровь пустили, должно стать легче.

Идея фикс, которая довлекла над императрицей последние месяцы, похоже, всё-таки реализовалась. Предполагаемая беременность Анны Леопольдовны словно камень скинула с толстой шеи русской государыни. Жаль, что болячки не все ушли. Но хотя бы голова теперь не болела.

– Доклад давай, Андрей Иванович! – громко сказала императрица.

По случайности в это время у дверей императорской опочивальни находился Андрей Иванович Остерман, со своим докладом по внешней политике. Так что статс-министр Остер-

ман было дернулся к двери. Но камердинер, Федор Иванович Меменс, рассмеявшись, остановил одного Андрея Ивановича.

– Там находится иной Андрей Иванович, – сказал Маменс на шведском, своем родном языке, зная, что Остерман и этот язык освоил некогда.

– Каламбур выходит! – улыбнулся глава внешней политики Российской империи.

Между тем Андрею Ивановичу Ушакову пришлось оправдываться.

– Мне нужно подготовиться, ваше величество. Ничего нового Волынский не поведал. Виновен тать, как есть виновен, – поспешил сказать Ушаков.

И вновь непроизвольно Андрей Иванович посмотрел на государыню. Снова тем же изучающим взглядом.

– Пошёл прочь, негодник! Сколь можно паять на меня! – выкрикнула государыня.

А четыре гвардейца, дежурившие при ней, уже изучающе смотрели на Ушакова. И если он не уйдёт, то они готовы были провести до выхода главу тайной канцелярии розыскных дел.

Тяжело вдохнув и выдохнув, Ушаков поспешил всё-таки покинуть покои государыни. Он решил, что проще будет наблюдать за Антоном Ульрихом. Ведь он тоже отравлен. И тогда можно понять, чего ожидать и для императрицы. Антон к чёрту не пойдёт!

– По здорову ли, Андрей Иванович? – спросил у дверей своего тезку Остерман.

– По здорову, господин Остерман, – пробурчал Ушаков.

Остерман был уверен, что ответом будет игра слов на имени-отчестве. Но, видимо, настроение у главы Тайной канцелярии было не лучшим. Остерман решил после подумать над этим. Но пока он должен доложить государыне. Есть что сказать.

– Ты на меня не смотри, Андрей Иванович! – встретила Остермана государыня.

Статс-министр ничего не понял, зачем прозвучала такая воля императрицы, но конечно же заверил:

– Ваше величество, ваша воля – суть есть закон!

– Ну давайте уже, господин Остерман, рассказывайте, с чем пожаловали! – сказала государыня.

– С чего позволите начать, ваше величество? С Персии, Римских кесарцев, али с Польши? – спросил Остерман.

– Начни со шведов! – потребовала императрица. – Разве же ничего там не происходит?

– Несомненно, в Швеции начались разговоры про войну с Россией. Удачное для них время, что большая часть нашей армии нынче в Крыму. Но... – Остерман усмехнулся. – Пока фельдмаршал Миних не проиграл войну, они не решаться.

– А ты не зубы мне показывай, Андрей Иванович, улыбается он... Чье имя в риксдаге они пользуют? – перебила государыня своего министра.

– Пустое. Они и ранее... Но политика иная. Если в Крыму будет победа, то войны со Шведами не случится, – сменив модель поведения на серьезный, говорил Остерман.

Да, в парламенте Швеции прозвучало имя, якобы истинной наследнице русского престола, Елизаветы Петровны. Но это пока можно считать блефом, блажью крайне малой группы депутатов. И Остерман прекрасно понимал, что если война с Османской империей будет затягиваться, то скорее всего шведы рискнут воевать. Но пока русская армия не потерпела ни одного крупного поражения, Швеция будет только прощупывать возможности.

– Отслеживайте, что там шведы говорить будут. А что мой венценосный брат, кесарь?

– Австрия готовит свои силы. Уверен, что они собирались посмотреть и только через год вступить в войну. Но сделают это уже скоро, если Миних отобьется от турецкого войска. О том всяческие намеки поступают из Вены, – Ушаков достал бумагу и показал ее государыне.

Анна Иоанновна отмахнулась, передавая документ Бирону.

– Хитрацы, – прокомментировал герцог, бегло прочитав текст на немецком языке.

– Хитрецы! – поправила своего фаворита государыня.

– Персы? – спросила императрица.

Остерман понял, что досужих разговоров не получится, как и обстоятельного доклада, так что стал говорить односложно. Персы? Да, начнут наступление на Эрзерум в ближайшее время. Но там немалые турецкие силы, так что результат не очевиден.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.